

Проект Федерального фонда «Этнос»
Серия «Современная дагестанская проза»

Жанна Абуева

ДАГЕСТАНСКАЯ
САГА
Книга II

Жанна Надыровна Абуева
Дагестанская сага. Книга II
Серия «Современная дагестанская проза»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8672448

*Жанна Надыровна Абуева. Дагестанская сага. Книга 2: ИД «Эпоха»; Махачкала; 2014
ISBN 978-5-98390-143-8*

Аннотация

Действие второй книги «Дагестанская сага» происходит в 60–80-е годы XX века и охватывает период от так называемой «хрущёвской оттепели» и до эпохи «застоя», царившего в стране в годы правления Брежнева. Читатель вновь встретится с главными героями книги и вместе с ними переживёт описываемые здесь события.

Содержание

Книга 2	5
Часть I	5
Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	12
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	19
Глава 7	22
Глава 8	22
Глава 9	24
Глава 10	28
Глава 11	30
Глава 12	32
Глава 13	34
Глава 14	37
Глава 15	39
Глава 16	40
Глава 17	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Жанна Надыровна Абуева

Дагестанская сага. Книга 2

Книга издана с использованием средств гранта Главы Республики Дагестан Р. Г. Адулатипова

© Абуева Ж. Н., 2014

© Серия «Современная дагестанская проза», 2014

© Издательский дом «Эпоха», 2014

Книга 2 Время жить

Часть I (1963–1970) Приметы эпохи

Глава 1

В актовом зале Махачкалинской школы № 1 имени Ленина шла генеральная репетиция, и школьный хор, выстроившись на сцене в три ряда, пел старательно и с чувством:

*На душе и легко, и тревожно,
Мы достигли чудесной поры,
Невозможное стало возможным,
Нам открылись иные миры.
Только мы б их пределов достичь не смогли,
Если б сердцем не слышали голос вдали...*

Далее от имени планеты Земля в песню вступала Женя Ройтман, миловидная ученица из 7 «Б», которая, решительно встряхнув светлыми кудряшками, выводила тоненьким фальцетом:

*Я – Земля,
Я своих провожаю питомцев,
Сыновей, дочерей.
Долетайте до самого солнца
И домой возвращайтесь скорей!*

Стоявшая перед хором учительница пения Генриетта Марковна, доверившая петь эти строчки именно Жене и никому другому, кивала головою в такт музыке и время от времени делала рукой предупредительные жесты, чтобы хор не расслаблялся и мог вовремя вступить в следующий куплет.

Со своего места во втором ряду хора Марьяша следила за взмахом руки Генриетты Марковны и размышляла о том, что, по идее, у Земли не должен быть, наверное, такой тоненький и писклявый голосок, как у Жени. Ей казалось, что Земля должна петь свои слова звучно и проникновенно, чтобы все почувствовали, что это поёт Земля. Но Генриетта Марковна, видимо, считавшая иначе, всё продолжала одобрительно кивать своей любимице, и девочка вновь и вновь тонюсеньким голосочком желала скорейшего и счастливого возвращения своим питомцам-землянам.

Тема космоса была в Советском Союзе невероятно популярна, и люди, слушая ежедневно по радио песни, обещавшие, что в будущем караваны ракет помчат их вперёд к звёздам и что их следы непременно отпечатаются на пыльных тропинках далёких неведомых планет, вполне верили в такую перспективу, воочию убедившись, что невозможное благо-

даря подвигу Юрия Гагарина, Германа Титова и других космонавтов стало и в самом деле возможным. Гагарин был не просто героем, он был величайшей гордостью всего советского народа, поверившего после первого полёта в космос именно его, советского человека, что для СССР невозможного нет ничего.

Второй темой была Куба. Маленький остров, мужественно противостоявший огромной и грозной Америке, превратился в глазах советских людей в символ непримиримой борьбы за свободу, а потому так и звался Островом Свободы. Фидель Кастро для всех олицетворял собой мужество, волю и отвагу, и граждане Страны Советов вполне искренне сопереживали кубинцам в их неравной борьбе с общим врагом – Соединёнными Штатами, а потому строчки революционного кубинского марша, конечно же, находили горячий отклик в сердцах советских людей:

*За правду сражается наш народ,
Мы знаем, в бою нас победа ждёт,
За счастье цветущей страны родной,
За мир и свободу идём мы на бой.*

*Пылает вся Куба,
Народ её изранен и измучен,
Знамёна и трубы
Зовут бойцов с полей и из хибар,
Врагов мы проучим,
Ответим им ударом на удар!
Пусть прогремит наш твёрдый шаг
И, словно горящий алый стяг,
Революционный пылает пожар!*

Именно по причине родства советских и кубинских душ в момент, когда хоровая песня на школьной сцене уступила место танцевальному номеру, посвящённому той же Кубе, все участники самодеятельности оживились и принялись подпевать солистам:

*Куба, любовь моя,
Остров зари багровой.
Песня плывёт над планетой, звеня,
Куба – любовь моя!*

Зюма Эльдарова, маленького росточка шестиклассница с гривой кудрявых чёрных волос, исполняла на сцене революционный «Кубинский танец», положив руки на бедра и сохраняя на лице то бесстрастное выражение, каковое, по единодушному мнению присутствовавших, и должно быть запечатлено на лицах мужественных и свободолюбивых кубинцев.

Репетиция закончилась, и Марьяша заторопилась к выходу. Сегодня суббота, и они едут в Буйнакск!

* * *

Возвращаясь домой привычным маршрутом, ведущим по тенистой и уютной улице Маркова, девочка так спешила, что впервые не обратила внимания на своих любимых атлантов, державших на плечах балконы какого-то важного государственного учреждения, распо-

ложенного на этой улице. Что это за учреждение, она не знала, но ей казалось, что не только балконы, но и всё здание в целом держится именно благодаря этим гигантам.

Атланты были самым ярким из первых впечатлений раннего марьяшиного детства, когда мама, взяв её однажды с собою, подошла к зданию и сказала: «Я только передам документы, а ты подожди меня здесь, хорошо?» И девочка, коротая время в ожидании мамы, принялась внимательно разглядывать сначала улицу, потом прохожих, а затем и здание, возле которого находилась. И тут она их увидела. Они были огромные, косматые и белые, как чистый лист альбома. Они были могучие, сильные и... ужасно одинокие. Тогда она ещё не знала этого слова и лишь ощущала своим маленьким сердечком, что им, пришедшим из какого-то другого мира, должно быть, очень нелегко тут одним. Ей стало жаль этих сильных бородатых мужчин, которые держали на своих плечах такую тяжесть и, должно быть, не отдыхали никогда.

– Они уже привыкли, – сказала мама, когда они возвращались домой и Марьяша в который уже раз вернулась к разговору об атлантах.

– А они что, и ночью так стоят?

– Ну да!

– А если они устанут и упадут, то и дом тоже упадёт? – не унималась девочка.

– Н-нет, наверное! Да и не упадут они никогда! – Малика отвечала дочери, одновременно думая о самых разных вещах и следя за тем, чтобы быстро перейти с ней запруженную транспортом улицу Дахадаева.

– А почему они такие белые?

– Потому что чистые! Ты разве не знаешь, что нужно быть всегда чистым?

– А они, что ли, купаются?

– А как же! Иначе они не были бы такими белыми!

– Они в баню ходят, да? – недоверчиво сказала девочка.

– Конечно, нет, они купаются... в море! – ответила Малика.

– В море?! Заходят в море и купаются?! – взволнованно воскликнула Марьяша.

– Ага, но только ночью, когда их никто не может видеть.

Хотя девочка видела море лишь днём, ей живо представилась картина ночного моря, где эти сильные люди, целыми днями державшие на себе такой груз, весело плещутся в волнах, радуясь свободе. Она не знала, что такое свобода, но всем сердечком ощущала её вместе с атлантами.

– Глупости всё это! – сказала Наташа, девочка с их двора, которой недавно исполнилось двенадцать лет, и она уже вышла из возраста сказок. – Они никак не могут двигаться, а тем более купаться в море, ведь они неживые!

– Нет, живые! – горячилась Марьяша, не желая расставаться с понравившейся ей картиной ночного моря. – И чистые! Мне мама сама сказала!

– Их моют, вот они и чистые! Твоя мама просто пошутила! – снисходительно пояснила Наташа и закрыла тему, переведя разговор на вошедший недавно в моду хула-хуп – металлический обруч, кручение которого вокруг талии способствовало её тонкости и гибкости.

Марьяша не стала спрашивать у матери, действительно ли та пошутила, опасаясь услышать утвердительный ответ, и позже, уже став школьницей и проходя каждый день мимо атлантов, она продолжала обращать к ним про себя почтительное «здрасьте», привычно испытывая к этим одиноким гигантам пронзительное чувство жалости и восхищения.

Глава 2

Дом продолжал жить своей многолюдной, многоголосой жизнью, не сразу, но всё же признав Имрана своим новым хозяином. Конечно, в отличие от Ансара, тот не посвящал всё

своё время уходу за ним, за садом и за двором, но, когда Имран отсутствовал, дом казался поскучневшим. Он уже давно разменял свой четвёртый десяток, но его молодой хозяин был так полон жизни, что она, эта жизнь, не давала дому закоснеть в тишине и покое – они могли быть присущи любому другому дому, но только не этому.

Тишина наступала здесь лишь ночью, а до этого дом с раннего утра и до позднего вечера был переполнен ребячьими голосами и голосами соседей и родственников, смехом гостей и, конечно же, музыкой, возникавшей в доме вместе с появлением Имрана. Он по-прежнему был душой любого общества, где бы ни появлялся.

Спроси кто-нибудь Имрана, любит ли он свой дом, такой вопрос его очень бы удивил. Что значит любит? Здесь он родился, вырос и женился, здесь родились его сыновья, и здесь умер его отец. Не любить дом было равносильно тому, чтобы не любить себя. А разве принято спрашивать у человека, любит ли он себя, и если да, то насколько сильно?

И Имрану не было нужды задаваться подобными вопросами. Жить в доме было для него так же естественно, что и дышать.

* * *

Дни своего рождения Айша никогда не отмечала. Не было принято у них с Ансаром отмечать дни рождения. Ансар родился в начале января, а Айша – в середине июля, а точные даты были проставлены в их паспортах, куда они и в лучшие-то времена почти не заглядывали, ну, а теперь, когда Ансара нет, ей это и подавно не нужно.

Сидя под старым деревом, Айша отдавалась воспоминаниям, обретшим для неё теперь приятнейшие из окрасок. Покойный Ансар и без всяких дней рождения обожал баловать её подарками. В лучшие их времена, выезжая нередко по делам в Москву и другие города, он привозил ей обыкновенно что-нибудь модное и красивое – одежду, обувь или изящное шёлковое бельё. Как-то Айша не удержалась и спросила мужа, как ему удалось угадать, что именно ей нужно из белья, и тогда Ансар просто ответил, что попросил продавщицу выбрать и завернуть в бумагу всё самое лучшее и красивое, что может понадобиться женщине.

«Господи, как же давно это было!» – думала Айша. Ей перевалило уже за шестьдесят, и сколько бы дети ни говорили, что она выглядит гораздо моложе, годы всё равно давали о себе знать. Когда-то очень стройное, тело её теперь слегка отяжелело, и она уже не так проворна, как раньше, и сноровка куда-то подевалась, словно и не было в ней никогда той девичьей лёгкости и быстроты, которая так естественно сопровождала её многие десятилетия.

Так думала о себе Айша, не догадываясь, что люди по-прежнему любят её благородной осанкой, плавностью движений и степенным достоинством, сквозившим в каждой чёрточке её лица и фигуры. До сих пор всё ещё пышные, но уже белые, как снег, волосы, собранные в узел, лишь подчёркивали молодость лица, а в глубине чёрных глаз, выразительность которых не смогли притушить никакие невзгоды, светилась мудрая и спокойная грусть.

Мысли, привычно скользнув по прошлому, плавно перетекли в будущее, хотя, правда, всего лишь в завтрашний день, ибо дальше она обычно старалась не заглядывать. Завтра суббота, значит, приедут Малика с Юсупом и детьми. Надо приготовить для них что-то вкусненькое, подумала Айша, повеселев от мысли, что соберётся вся её семья. Она стала перебирать в уме список продуктов, за которыми надо будет отправить на базар жившую по соседству Анютку.

Никто уже и не помнил, как появилась Анютка в Буйнакске, но прижилась она здесь с незапамятных времён, став неотъемлемой частью улицы, квартала, района и, наконец, города. Из родных у неё никого не было, был когда-то муж, которого она очень любила. Погиб он при весьма трагических обстоятельствах, наткнувшись на оголённый электри-

ческий провод, после чего у Анютки случился нервный припадок, и она родила мёртвую девочку, которую сама же и похоронила собственными руками. Больше она замуж не пошла, однако за внешностью своей тщательно следила и шила, шила себе одно платье за другим, тратя на тряпки все деньги, что зарабатывала, убирая в домах состоятельных буйнакцев.

Айша жалела Анютку и то и дело одаривала гостинцами, начиная от конфет и кончая красивыми отрезами шерсти или крепдешина, и благодарная Анютка охотно вызывалась ей помочь, добровольно взяв на себя уборку дома и походы за продуктами.

Фарида тоже частенько отдавала соседке что-нибудь из одежды, и Анютка, обретя в их семье близких людей, отогревалась душой в тёплой атмосфере старого ахмедовского дома.

– Малика, а ты мне что привезла? – осведомлялась Анютка, возникая на пороге сразу же вслед за Маликой.

– Да подожди ты, Анюта, дай хоть дух перевести с дороги! – весело говорила ей Малика, на что Анютка так же весело отвечала:

– Ладно, я не тороплюсь. Загляну через полчаса, так что готовься! И не думай, что я позабуду!

Она так же внезапно исчезала, чтобы ровно через полчаса вновь появиться с тем же вопросом, и Малика, доставая из сумки гостинец, вручала его довольно улыбающейся Анюте, которая тут же добавляла:

– А больше ничего, что ли? А про юбку-то забыла, которую мне обещала? Эх ты! Ну, ладно, в другой раз привезёшь, гляди только, не забудь!

Прихватив подарок, Анюта не забывала бросить на Юсупа глубокий, преисполненный нежности взгляд.

– Анюта, а ну-ка не смотри так на моего мужа! – притворно возмущалась Малика.

– Ага, ревнуешь, ревнуешь! Боишься, небось, что уведу, да?

От удовольствия щёки Анютки розовели, и она расплывалась в торжествующей улыбке.

– Конечно, боюсь, ты ведь у нас такая красавица, а вдруг он в тебя влюбится! – подыгрывала ей Малика.

– Ну что ж поделать, я ведь не виновата, что в меня все мужики в момент влюбляются!

– А может, мы тебя замуж отдадим? – вмешивалась в разговор Айша.

– Ещё чего! Больно охота чужие портки стирать! – с достоинством говорила Анютка и уходила в свою комнатку в общем дворе напротив, чтобы примерить обновки и тут же выйти в них к людям.

Больше всего на свете Айша любила такие вот дни, когда из Махачкалы приезжала Малика с Юсупом и детьми, вся семья в полном сборе садилась за большой обеденный стол, и начиналось «большое и дружное общение», как любила говаривать покойная Шахри. Обед перерастал в шумные, весёлые беседы, шутки и остроты перемежались новостями и, конечно же, бесчисленными воспоминаниями, в которых главенствующую роль неизменно играл Ансар.

– А помните, как папа однажды жёг в саду сухие листья, и Шамиль с Марьяшкой стали прыгать через костёр, и Марьяшка спотыкнулась и угодила прямо в него, а папа рванул к ней и еле-еле успел вытащить... Слава Богу, что пострадали только ладошки и запястья...

Вспомнив давний эпизод, Малика задним числом ужаснулась, испугавшись за свою дочурку.

– Никогда не забуду его лица, когда он вбежал в дом с Марьяшей на руках! – сказала Фарида. – Я за него самого не меньше испугалась, у него ведь уже тогда было больное сердце!

– Смотрите, всегда помните своего деда! – обратилась Айша к внукам.

– Я помню! – быстро сказала Марьяша.

– И я! И мы! – воскликнули вразнобой Шамиль и Арсен.

– А я? – сказал растерянно маленький сынишка Юсупа и Малики Мажид. – Я тоже помню?

– А ты и не можешь помнить, тебя тогда ещё на свете не было! – сказал снисходительно Арсен.

– Можно подумать, что ты хорошо помнишь! – осадил его старший брат. – Ты сам ещё тогда в люльке качался!

– Всё равно я помню! – запротестовал Арсен. – Дед... он был такой большой и... сильный!

– И добрый! – добавил Мажидик.

– Ну, вот и молодцы! – Малика улыбнулась детям и спросила: – А кто из вас хочет добавки?

– Не-е, мы уже наелись! Можно теперь пойти поиграть?

– Ладно, идите, но только от ворот никуда ни шагу, поняли?

– Да-а! – выбегая из комнаты, закричали дети.

Марьяша вышла из дома и направилась в сад. Обойдя его вдоль и поперёк и поздоровавшись со всеми деревьями и кустами, она опустилась в гамак. В саду всё напоминало об Ансаре, и девочке, всё ещё находившейся под впечатлением рассказов о нём, стало грустно от того, что всё на месте, и деревья, и цветы, и гамак с качелями, и бассейн, а вот деда уже нет.

Она принялась тихонько раскачиваться в гамаке, глядя в небо, сплошь усеянное звёздами, мерцающими в чёрно-синей вышине.

Из дома доносились оживлённые голоса и смех, на пороге то и дело появлялись новые гости, а здесь, в саду, под тихим вечерним небом, слышался лишь стрекот невидимых глазу цикад, какой никогда не услышишь в их махачкалинском дворе, полном визга детворы и разговоров сидящих на скамейке соседок.

Девочка любила Буйнакск и этот чудесный старый дом, где жили её любимые люди и где всегда было много веселья и музыки. Она любила сад и каждое в нём растение, не говоря уже о деревьях, больших и маленьких. Она любила свою бабушку Айшу, и дядю Имрана, и тётю Фариду, и своих двоюродных братьев, вместе с которыми проводила все каникулы и выходные и которые были для неё ближе, чем самые родные.

Родители её отца Юсупа умерли в войну, а родственников, живших в российской глубинке, она почти не знала, вот и получилось, что из близких у неё были одни лишь буйнакцы.

Братья, сами не намного младше Марьяши, испытывали по отношению к ней определённый пиетет, и когда она приезжала, то даже непоседливый забияка Арсен начинал крутиться рядом. Они с Шамилём наперебой делились с ней секретами, демонстрируя свои самые заветные ценности, состоявшие главным образом из резинок, ракушек, альчиков, лески, проволоки и коробочек с медяками.

Сейчас оба прибежали за нею в сад и, плюхнувшись рядом в гамак, принялись рассказывать каждый о своём, перебивая друг друга и не желая уступать один другому внимание старшей сестры.

– А вы, между прочим, знаете, что ровно через двадцать лет у нас будет коммунизм? – лениво раскачиваясь в гамаке, обратила свой вопрос к братьям Марьяша.

– А что это? – спросил Арсен.

– Ну-у... Как тебе объяснить... – замялась девочка. – Коммунизм – это... когда все живут долго и счастливо!

– Как в сказке, да? – сказал Шамиль.

– Ну да, как в сказке! – согласилась Марьяша.

– Вот здорово! – обрадовался Арсен. – Мне, между прочим, всегда хотелось попасть в сказку! Но двадцать лет – это же так долго ждать!

– В том-то и дело! – Подумав, Марьяша решила, что должна всё же успокоить братьев: – Но мы его ещё застанем! Мне, например, через двадцать лет будет тридцать, тебе, Шамиль, – двадцать восемь, а Арсену – двадцать шесть!

– У-у-у, такие старые! – расстроился Арсен. – Один только Мажид будет моложе всех!

– А зато мы все доживём до коммунизма, разве плохо? – ободряюще произнесла Марьяша.

– А мама с папой доживут? – вступил в беседу Мажидик, внимательно до этого момента рассматривавший крылышки пойманной им в сачок еще днем большой стрекозы.

– Н-ну да! – неуверенно сказала Марьяша. – Они тоже доживут!

– А дадэй? – одновременно прозвучал вопрос Шамиля и Арсена.

Девочка приумолкла, сосредоточенно подсчитывая в уме возраст Айши, а три пары ребячьих глаз с надеждой уставились на неё в ожидании ответа.

– Дадэй под вопросом! – вынесла, наконец, свой вердикт Марьяша.

– Ого, как это под вопросом?! – воскликнул негодуяще Арсен. – Я хочу, чтобы и она дожила!

– И я! – разом воскликнули Шамиль и Мажид.

– Вы думаете, что ли я не хочу? – расстроилась Марьяша.

Настроение у детей сразу испортилось, и, когда их позвали в дом, они были подавлены и молчаливы, избегая смотреть на Айшу и чувствуя себя виноватыми, что ей, в отличие от них, вряд ли приведётся дожить до коммунизма.

– Что это с вами? – спросила Айша, протягивая каждому по галете и стакану холодного буйволиного молока.

– Ничего! – отвечали дети вразнобой, по-прежнему избегая её взгляда.

– Натворили что-нибудь? – продолжала допытываться Айша.

– Не-ет! – воскликнули дети.

– Какие-то они странные сегодня! – обратилась Айша к дочери, и, пока та собралась ответить, Мажидик, не выдержав овладевшего ими напряжения, выпалил с горячностью:

– Дадэй, а ты знаешь, что ты не доживёшь до коммунизма?!

– До чего? – не поняла Айша.

– До коммунизма!

– До какого ещё коммунизма? – Айша отставила половничек, которым разливала молоко.

– Ну, такого... когда все люди будут жить счастливо... – сказал Арсен.

– И который будет через двадцать лет! – добавил Шамиль.

– Ах вы мои золотые! – Малика рассмеялась и взъерошила волосы сидевшего рядом Шамиля. – И вы из-за этого так сильно расстроились?

– Да – а! – воскликнули дети.

– В таком случае, я бы посоветовал вам вообще об этом не думать! – включился в разговор Юсуп. – Потому что коммунизм, скорее всего, увы, не наступит!

– Как не наступит! – воскликнула Марьяша. – Даже если не через двадцать, а... двадцать пять лет?

– Я, конечно, не берусь утверждать, но в ближайшие лет сто, боюсь, его точно не будет! – сказал, пряча улыбку, её отец.

При этих словах дети испытали одновременно разочарование от того, что у них забрали сказку, и облегчение от того, что их бабушке не будет так обидно. И уже через пять минут тема коммунизма была благополучно забыта.

Глава 3

В это время дня дом был почти безлюден. Сын с невесткою на работе, дети в школе, и лишь через пару часов он станет наполняться оживлёнными звуками людских голосов, смеха, топота, восклицаний, а позже и музыкой. А пока он был тих и спокоен, точно так же, как тихо и спокойно было на душе его старой хозяйки, опустившейся сейчас ненадолго в кресло-качалку и устало прикрывшей веки рукой. Старое кресло под тяжестью ее тела натужно заскрипело и закачалось взад и вперёд, своими равномерными движениями привычно навевая на неё дрему. И вскоре уже её голова с выбившимися из-под платка прядями поседевших волос опустилась сонно на грудь, а пальцы, перебивавшие янтарные чётки, остановились в своём монотонном движении и замерли ровно на полчаса, краткий отрезок времени, когда Айша позволяла себе расслабиться и подремать немного, пока дома никого не было.

Стояла поздняя осень, и сад за окном, не так давно ещё буйствовавший зеленью листвы и сочными плодами, сник теперь, более ими не защищённый, и лишь вздыхал в такт падавшим то и дело с деревьев на землю пожелтевшим листьям.

Каждое утро, проводив семью, Айша направлялась в сад, брала грабли и собирала в кучу накопившуюся за ночь пожухлую листву, затем выбрасывала ее в большой деревянный ларь, когда-то изготовленный по заказу Ансара и испокон веку стоявший в задней части двора.

После смерти Ансара Айша уже сама занималась садом, почитая это своим священным долгом, поскольку хорошо помнила, с какой душой отдавался её муж этому делу и как гордился он своим садом. Иногда и Имран, взяв в руки грабли, лопату или кирку, принимался старательно ковыряться в земле, окапывая, подвязывая и подправляя деревья, кустарники и грядки, но такое бывало нечасто: саду Имран предпочитал всё же музыку и общение с друзьями. Когда он был дома, сюда, словно птицы на жёрдочку, слетались друзья, приятели и соседи, и тогда помещение наполнялось всем тем, чем бывает обычно наполнена молодость.

Айше и в голову не приходило препятствовать молодым наслаждаться жизнью. Когда невестке требовалась помощь, она охотно помогала ей по кухне, пусть даже недомогая частенько, а после тихо удалялась в свою комнату. Здесь она могла прилечь на свою постель или опуститься на молитвенный коврик, полностью отрешившись от звучавшего извне буйного веселья. Общению с Богом оно не мешало, и женщина вновь и вновь обращала к Аллаху мольбы о близких, о тех, кто уже ушёл, и тех, кто оставался.

«О Великий Аллах, Милостивый и Милосердный, – шептала она горячо, – не лишай нас Своего благословения, даруй нам мир и спокойствие, и укрепи нас в вере, и не насылай на нас Своего гнева...»

По завершении молитвы женщина какое-то ещё время обращала к Всевышнему свои мольбы о близких, потом аккуратно складывала молитвенный коврик и с облегченной душой возвращалась к земным делам.

– Дадэй, скажи ему! – В комнату ворвался один из внуков и принялся бегать по ней, ловко увёртываясь от брата, догонявшего его с прутом в руке.

– Шамиль, Арсен, а ну-ка перестаньте! – С сожалением прерывая свои мысли, Айша стала разнимать внуков, мягко выговаривая им за баловство.

Ругаться она не умела, и дети всю этим пользовались, воспринимая свою бабушку как величину постоянную, незыблемую и вечную, совсем как дом, или сад, или ореховое в нём дерево.

– Ладно, не будем... А тогда дай сорок четыре копейки!

– Сорок четыре? А для чего?

– На мороженое! Мы хотим «Ленинградское», а оно по двадцать две копейки, а два раза по двадцать две будет сорок четыре!

– Ах, вы мои математики! Натё! Только не лопайте всё сразу, ешьте маленькими кусочками!

– Ага! – кричали мальчишки и тут же уносились прочь, оставляя на деревянном полу следы пыльных босых пяток.

Улыбаясь внукам вслед, Айша отправлялась за тряпкой.

* * *

– Хотите верьте – хотите нет, а я и вправду слышал именно так!

Абакар отложил вилку и поднёс к губам салфетку. В наступившей паузе сидевшие за накрытым в доме Ахмедовых столом гости вновь недоверчиво зашумели. Как всегда, атмосфера за столом была весёлой и непринуждённой, в темах для разговоров недостатка не было, как, впрочем, и в закуске тоже.

– Ну да! – снова заговорил Абакар. – А ещё я слышал, что у американцев очень мало разводов не потому, что они такие уж примерные супруги, а потому, что живут без брака. Короче, просто сожительство! Пожили немного, не понравилось – разбежались и пошли искать себе другую пару!

– Могу себе представить! – воскликнула жена Абакара Раисат. – Выходит, что никаких тебе обязательств и никаких обязанностей перед семьёй!

– А как же дети? – спросила Фарида, подкладывая подруге в тарелку аппетитный кусочек жареного ягнёнка.

– Ну, дети, конечно, у них тоже рождаются! – с глубокомысленным видом изрёк Абакар. – Скорее всего, у них, наверное, так: пожилы, подошли друг другу, поженились, завели детей, не подошли – и... вассалам-ваккалам! – разбежались в разные стороны!

– Надо бы и у нас такое ввести, чтобы...

Раисат не успела закончить шутливой фразы, как её муж тут же воскликнул:

– А ну замолчи, женщина! Слушайте, совсем от рук отбились эти наши жёны! Это Советская власть их испортила. Раньше они очень хорошо знали своё место!

Фарида подвинула к нему блюдо с завернутыми в виноградные листики крошечными голубцами и сказала:

– А ведь мы почти ничего не знаем об этих американцах!

– А что там о них знать? Империалисты – и всё! – ответил Абакар.

– Интересно, а они о нас вообще что думают?

Вопрос Фарида вызвал у присутствующих некоторое замешательство, после чего Имран, до этого молчавший и то и дело переглядывавшийся через стол с сидящей напротив хорошенькой Аллочкой, которая недавно приехала из Саратова и работала сейчас старшей пионервожатой в школе, носившей имя Ленина, весело сказал:

– Да, наверное, то же самое, что и мы о них! Думают, наверное, что в Советском Союзе живут сплошные враги... А ещё, небось, думают, что мы здесь звери какие-то, живём одной стаей и кушаем из одной кастрюли!

– Ну, если это в смысле дружбы, то так оно и есть! – произнесла кокетливо Аллочка, играя ямочками на своих нежных и пухлых щёчках. – А может, хватит о них, об американцах этих? Давайте лучше потанцуем или попоём!

– Имран, спой что-нибудь! – поддержали предложение остальные гости.

Не заставив себя долго упрашивать, Имран подошёл к пианино и взял привычным движением несколько аккордов.

– А что вам спеть? – спросил он, обращаясь главным образом к Аллочке.

– Ну – у, что-нибудь такое... о любви, например! – протянула, встряхнув локонами, девушка.

– О, о любви всегда пожалуйста! – весело ответил Имран и запел:

*Что так сердце, что так сердце растревожено,
Словно ветром тронуло струну?
О любви немало песен сложено,
Я спою тебе, спою ещё одну...*

Прислушиваясь в своей комнате к звукам инструмента и поющему голосу сына, Айша думала о том, что, может, и надо было ему позволить учиться на музыканта. Уж сколько он умолял об этом и её, и Ансара, но оба оставались непреклонными, потому как в роду у них не было никаких артистов... Хотя, правда, сам Ансар брал, бывало, в руки мандолину, напевая что-то негромким глуховатым голосом и ни разу при этом не сфальшивив. А уж отец её, Ибрагим-бек, тот и вовсе славился своими музыкальными дарованиями, которые иногда позволял себе обнаружить в кругу самых близких друзей. Вот в него-то и пошёл, должно быть, её сын.

Фарида, в отличие от мужа, не пела и к музыке в целом относилась ровно, выделяя из неё отдельные произведения и считая, что без остальных вполне можно обойтись. Она, конечно, гордилась музыкальными талантами мужа, хотя и ревновала его в глубине души к музыке. Трезвый, прагматичный ум и спокойная рассудительность молодой женщины, граничившие с удивительной для её возраста мудростью, являли полную противоположность весёлому нраву и неиссякаемому жизнелюбию Имрана, который, даже став отцом двоих сыновей, не утратил юношеского задора, беспечности и легкомыслия и, словно мотылёк, перелетал от одного яркого цветка к другому, наслаждаясь нектаром и оставляя весьма приятные о себе воспоминания.

Жизнь для Имрана была удивительным, лучезарным явлением, данным человеку для того, чтобы он мог, пользуясь дарованными ему благами, в полной мере ею наслаждаться. А иначе для чего они, эти блага, созданы Всевышним? Всевышний, впрочем, был для него далёк и так же абстрактен, как для большинства его сверстников.

Семья, разумеется, в известной степени значила для Имрана очень даже немало, и он, вполне сознавая определённую ответственность за жену и за детей, за мать и за хозяйство, работал старательно, на совесть, чтобы они ни в чём не нуждались, однако данное обстоятельство отнюдь не противоречило его стремлению получать от жизни все удовольствия, которые та ему охотно предоставляла.

Жизнь чудесна, когда в ней есть друзья, и деньги, и красивые женщины, а известно, что ни того, ни другого и ни третьего много не бывает.

Глава 4

Из письма Далгата:

«Здравствуйте, дорогие Юсуп и Малика!

Извините, что давно вам не писал, но я был сильно занят, сдавал экзамены выпускные и ещё работу дипломную защищал, так что времени не было вообще. Но это не означает, что я про вас забыл. Я часто вспоминаю всех вас, и, конечно же, дядю Ансара вспоминаю, и то, как мы хорошо жили все вместе.

Но и здесь мне тоже очень нравится! За годы, что я тут, Ленинград стал для меня родным, будто я всю жизнь здесь прожил. Город необычайно

красивый, много прекрасных зданий, парков, мостов через реку Неву – и, что удивительно, все разные!

А ещё здесь множество театров, выставочных залов, музеев – один Эрмитаж чего стоит! Конечно, по сравнению с Ленинградом Буйнакск выглядит как маленькая деревня, да и Махачкала тоже!

С учёбой у меня всё в полном порядке, а недавно профессор Адрианов предложил мне поступать в аспирантуру, сказал, что видит во мне перспективу и готов быть моим научным руководителем. Не скрою, мне это было очень приятно, я и сам всерьёз подумывал заняться научными исследованиями, хотя предстоит ещё отработать два года после института, без этого в аспирантуру не принимают.

Зато впереди есть определённая цель, и я буду к ней продвигаться.

Живу по-прежнему в общежитии, хотя тётя Роза с дядей Борисом постоянно уговаривают к ним переехать. Я их навещаю каждое воскресенье, они меня всегда ждут, и если я не прихожу, то тётя Роза начинает паниковать и отправляет дядю Бориса на мои поиски.

К моему приходу она готовит все мои любимые блюда, включая хинкал, хотя, если честно, у тёти Айши он, конечно, вкуснее! Но, правда, здесь и мясо совсем другое, не такое, как в Дагестане!

Очень хотелось бы всех увидеть, особенно тётю Айшу, как она там, надеюсь, не сильно постарела?

А как поживают Имран, Фарида и их дети? Передайте всем от меня привет, и дяде Гасану с тётей Светой, конечно, тоже.

Что касается моего приезда, то, скорее всего, в ближайшие месяцы приехать не смогу. Было бы здорово, если бы вы сами приехали. Вот возьмите и приезжайте сюда в отпуск!

Ещё раз всем привет, обнимаю, ваш Далгат».

* * *

Юсуп расположился в кресле и развернул «Дагестанскую правду». Газета сообщала, что Советский Союз в недалёком будущем догонит и перегонит Соединённые Штаты Америки в мирном экономическом соревновании. «Наша экономика, – писала газета, – развивается гораздо быстрее. Достаточно привести такие цифры: с 1913 года по 1960 год выпуск промышленной продукции в США вырос более чем в пять раз. В СССР за это же время – в 45 раз».

Перелистав газету, Юсуп потянулся за лежавшей рядом книжкой с очередным детективом, но прежде обратил к дочери традиционный ежевечерний вопрос:

– Давай, доча, рассказывай, как в школе дела?

Днём они с Маликой работали, поэтому практически не имели возможности навещать в школу чаще, чем на проводившиеся раз в месяц родительские собрания, и, доверив дочь учителям, а сынишку детсаду, были спокойны, зная, что, пока они лечат людей, государство проявит заботу об их отпрысках.

Марьяша, Маришка, Марюнчик, Маруся – все эти имена и прозвища принадлежали их любимице, которая весело отзывалась на любое из них.

– Хорошо, папа! – Улыбнувшись отцу, девочка вновь перевела взгляд на лежавшую перед ней тетрадку.

– Что, так много уроков задали?

- Н-нет, я уроки уже сделала давно...
- А что же ты там всё пишешь?
- Да так просто... всякие цитаты записываю.
- А можно мне прочесть эти всякие цитаты?
- Конечно, можно!

Марьяша протянула отцу тетрадку, исписанную круглым аккуратным почерком, и он принялся читать вполголоса: «Чтобы дойти до цели, надо идти. О. де Бальзак»... «Люди, будьте человечны! Это ваш первый долг. Ж.-Ж. Руссо»... «Большое сердце, как и океан, никогда не замерзает. Р. Бёрнс»...

– Да-а, дочка, – улыбнулся Юсуп, – не знал, что ты уже обращаешь внимание на умные слова умных людей! Молодец, продолжай в том же духе! Читая мудрецов, и сама станешь мудрой... как Василиса Премудрая!

При этом сравнении девочка захихикала, а Юсуп, помолчав, добавил:

– Между прочим, я и сам раньше собирал всякие мудрые мысли, где-то должны сохраниться мои тетрадки с записями... Помню, примерно в твоём возрасте мне нравились стихи Назыма Хикмета:

*И если я гореть не буду,
И если ты гореть не будешь,
И если мы гореть не будем,
То кто тогда рассеет тьму?*

– Ой, пап, подожди-ка, я запишу! – Марьяша схватила за ручку. – Как там он сказал? И если мы гореть не будем, и если ты гореть не будешь... Как здорово!

Юсуп любил эти вечерние часы, когда все они были вместе после наполненного хлопотами рабочего дня. По окончании весёлого ужина каждый отдыхал, занимался чем-то своим, ежесекундно ощущая присутствие друг друга. За ужином Юсуп с Маликой, коротко перекинувшись дневными новостями, сосредоточивались на детях, стараясь восполнить внимание, недоданное им днём.

Марьяша, первой возвращавшаяся домой из школы, отвечала за уборку квартиры и мытьё посуды. Малика, поменяв вечером белый врачебный халат на домашний фартук, старалась побаловать семью каким-нибудь вкусным блюдом, извлекая из многочисленных рецептов что-то оригинальное.

... Страна, едва оправившись после разоблачений Хрущёвым «кровавого антинародного сталинского режима», того, в котором сам Никита Сергеевич с лакейской готовностью играл наиактивнейшую роль, оказалась в состоянии «холодной войны» с Западом. Последний, так же едва отойдя от шока, который он испытал при виде стучащего ботинком по трибуне ООН Хрущёва, грозившего показать капиталистам «кузькину мать», никак не мог взять в толк, при чём здесь мать какого-то неведомого им Кузьки.

Воспринимая Хрущёва как фигляра, со всё нарастающим чувством внутреннего неприятия и неприязни, люди, исторически привыкшие к послушанию и ещё хранившие в памяти ужасы недавней войны, внешне не роптали, а, затянув потуже пояса, продолжали трудиться во имя грядущего светлого будущего, уже давным-давно обещанного большевиками.

Те, кто пострадал в своё время от так называемых сталинских репрессий, горячо приветствовали также и хрущёвскую «оттепель», снисходительно прощая Никите его мужицкую хитрость и не желая признавать очевидную лицемерную, предательскую сущность генсека. В глазах некоторых он был освободителем страны от сталинской тирании. Однако находилось, к удивлению, немало других, тоже пострадавших от репрессий, но питавших при этом необъяснимое уважение к памяти Сталина, прежде покоившегося в мавзолее рядом

со своим учителем Лениным, а позднее извлечённого оттуда и, к облегчению многих, погребённого в землю.

Стране не хватало продуктов, но при этом люди единодушно поддержали решение партии об оказании братской помощи Кубе, равно как и другим странам, нуждавшимся в поддержке Советского государства, пусть даже само оно испытывало во многом ничуть не меньшую нужду.

Всё это и ещё многое другое обсуждалось вполголоса на многих советских кухнях, чьи хозяева, одинаково недовольные и Сталиным, и Хрущёвым, да и вообще существующим в стране режимом, грезили о совсем иной жизни, такой, в которой не было бы ни ЦК КПСС, ни Советов, а была бы свобода говорить вслух всё, что хотелось, свобода передвижения по миру, который, если верить заглушаемым радиостанциям Запада, без Советской власти был просто чудесен.

В доме Юсупа и Малики подобные разговоры, как правило, не велись. В конце концов, если оставить в стороне классовую борьбу, им было что вспомнить о времени, когда оба волею судьбы оказались в Ц-ском районе, где и познакомились друг с другом. И теперь их дом был полон тепла, уюта, вкусных ароматов дымящейся картошки и борща, не беда, что постного, и дагестанской сушёной колбасы, присылаемой им Айшей из Буйнакска.

И пусть они живут в разных городах со своими родными, но расстояние-то небольшое, в конце концов, всегда есть суббота и пригородный поезд Махачкала-Буйнакс, который за какой-нибудь час с лишним примчит их к близким людям. Ну, а пока он мчит, вполне можно с детишками полюбоваться из вагонных окон видами окрестностей, барханами, кафыр-кумукской скалой и всем до боли знакомым и никогда не надоедающим пейзажем.

На крыше поезда, как всегда, будут с гордым видом восседать пацаны, которым скучно сидеть внутри вагона, ведь куда интереснее обозревать всё сверху. А может, у них просто нет денег на билет! В любом случае их не останавливают риск свалиться или страшные рассказы о том, как это происходило уже не раз с кем-то. Всё равно они взберутся на самый верх и, увлекшись, примутся даже бегать по крыше несущегося состава просто потому, что им этого хочется.

Если бы горцы думали о страхе, размышлял, глядя на них, Юсуп, то не носились бы извечно на своих быстрых конях, а теперь и на автомобилях по узким, извилистым горным тропкам, прямо над зияющими пропастями.

Глава 5

Далгат повернул выключатель, и комната наполнилась звуками скрипичной музыки, которая, впрочем, тут же и закончилась, и радио голосом диктора сообщило: «Для вас прозвучала «Волшебная флейта» Вольфганга Амадея Моцарта в исполнении солистов Ленинградского театра оперы и балета имени Кирова. Дирижёр – заслуженный деятель искусств РСФСР Джемал Далгат».

Фамилия дирижёра явно была кавказской, и её созвучие с собственным его именем Далгата вдруг заинтересовало так, что ему тут же захотелось взглянуть на владельца этой фамилии.

В институтской библиотеке его со вчерашнего дня поджидала увлекательная статья об археологических находках на территории современного Ирака, и в предвкушении работы над нею юноша решил выйти из дома пораньше, чтобы успеть пройтись по оживлённым ленинградским улицам, а если повезёт, то приобрести по дороге билет в тот театр, где работал дирижёр с заинтересовавшей его фамилией.

День выдался тёплым и безветренным. Расклеенные тут и там афиши приглашали ленинградцев и их гостей на многочисленные спектакли и концерты. Далгат, который,

несмотря на занятость, старался не пропускать главных театральных новинок, замедлил шаг, внимательно рассматривая очередную афишу.

Прямо над названием «Любовь к трём апельсинам» в глаза ему бросилась надпись: «Дирижёр Джемал Далгат», и в ближайшей же кассе он приобрёл билет на оперу Сергея Прокофьева.

Вечерний зал был полон, и по окончании оперы зрители, встав со своих мест, долго и горячо аплодировали артистам в знак своей благодарности и восторга.

Дирижёр, невысокий мужчина средних лет с нервным худощавым лицом, на котором из-под стёкол очков поблескивали выразительные глаза, тонким, с характерной горбинкой носом, стоял у пульта и время от времени наклонял лысоватую голову, сдержанными кивками благодаря зал за щедро проявляемые эмоции.

Со своего места Далгат внимательно смотрел на него и думал о том, что просто обязан подойти к этому человеку, хотя почему обязан, он и сам не мог бы объяснить.

В ожидании, пока публика окончательно разойдется, он прогуливался по фойе и поглядывал на стены, увешанные портретами мастеров оперной сцены. Наконец, он увидел, что Джемал Далгат, сменивший концертный фрак на обычный костюм, направляется к театральному выходу.

Преодолевая смущение, Далгат шагнул к нему и произнёс, волнуясь:

– Здравствуйте!

– Вечер добрый, молодой человек! – ответил ему дирижёр. – С кем имею честь?

Приветливость в голосе музыканта растопила нерешительность юноши, и он сказал:

– Меня зовут Далгат... Мы с вами почти тёзки! Я из Дагестана...

– А-а-а! О-о-о! Очень приятно познакомиться, уважаемый почти тёзка из Дагестана!

Вы здесь проездом?

– Нет, я здесь живу, учусь и работаю!

– Вот как? Ну что же, учитывая, что и я тоже по большому счёту происхожу из Дагестана, пойдёмте и по дороге с вами обо всём поговорим!

В ходе беседы выяснилось, что Джемал имеет достаточно близкие родственные связи с покойным отцом Далгата, Манапом Алибековым, и парень, обрадованный этим открытием, вдруг подумал, что не зря, должно быть, его так взволновала услышанная по радио фамилия дирижёра.

Впоследствии он не раз благодарил судьбу за тот день, когда всё-таки решился подойти к Джемалу Далгату, потому что встреча эта не только положила начало их дружбе, но и привела Далгата к поистине судьбоносным событиям.

* * *

Из письма Далгата:

«Здравствуйте, дорогие Малика и Юсуп!

Давно не писал вам, и, честно говоря, стыдно, но, поверьте, я о вас часто думаю и мысленно с вами разговариваю.

Жизнь моя довольно однообразна, хотя и занят бываю целый день по горло. В основном разрываюсь между институтом и библиотекой. Работаю над темой и одновременно готовлюсь к кандидатским экзаменам по философии и немецкому, так что, как видите, дел хватает.

Малика, ты спрашивала, хожу ли я в театр и как часто. Раньше ходил чаще, и в Мариинку, и в БДТ, и оперетту успел много раз посмотреть, а

сейчас времени почти не остаётся, ведь госпожа Наука не шибко жалуется тех, кто не отдаётся ей целиком!

Но у меня есть новость, для меня очень важная. Я здесь познакомился с удивительным человеком, его зовут Джемал Далгат. Он наш соотечественник, известный музыкант и очень интересная личность. Дирижировал в балетах «Горянка», «Ревизор» и многих других. А главное, выяснилось, что он состоял в родстве с моим отцом, хотя, как я понял, лично они не были знакомы.

Джемал-Эддин Энверович – таково его полное имя – отнёсся ко мне с большим вниманием, и я даже был у него в гостях. Он интересный собеседник, много знает и много гастролировал по миру, представляете, был в Японии, США, Германии, Индии!

Не скрою, я рад этому знакомству не только потому, что он интересный человек, но и оттого, что есть в нём нечто такое, что меня к нему притягивает, какое-то внутреннее благородство, и тактичность, и дух. Мы много говорим о литературе, об истории. Он столько читал всего, просто ходячий кладёзь знаний!

Что касается моей жизни, то она почти не меняется и состоит главным образом из работы, учёбы и посещений тётки Розы, которая периодически ставит вопрос ребром, требуя, чтобы я оставил общежитие и перебрался к ним, ну а я героически сопротивляюсь.

У них, кстати, огромная библиотека, и каких только нет книг!

Тётя Роза стала совсем старенькой, у неё куча болезней, но всё равно она бодр, и ум её чётко и ясен.

А как поживает моя тётушка Айша? Надеюсь, что она здорова и по-прежнему согревает собою буйнакский дом. Если вдруг понадобятся какие-то лекарства, дайте мне знать, я их тут же вышлю.

На этом письмо заканчиваю. Передавайте привет всем нашим, включая и детей. Кстати, вы спрашиваете, когда у меня, наконец, появятся свои дети. Вот разберусь с диссертацией и вплотную займусь личной жизнью! А пока что почти всё моё внимание достаётся одной даме – Науке!

Всех обнимаю, с приветом, Далгат».

Глава 6

Джемал Далгат был не просто известным советским дирижёром. Он был сыном Дженнет Далгат – пианистки и композитора, первой горянки, окончившей с золотой медалью Лейпцигскую консерваторию. Он приходился внуком Магомеду Далгату – доктору медицины, статскому советнику и депутату 4-й Госдумы от Дагестана, и Нисаханум – дочери персидского посла в Ростове-на-Дону. И, наконец, он принадлежал к известному на Кавказе роду Далгатов, давшему Дагестану целую плеяду учёных, общественных деятелей и просветителей.

И, невзирая на столь выдающиеся аспекты его биографии, а, скорее, благодаря им Джемалу были присущи те самые благородство, скромность и обходительная корректность, которые и отличают истинного интеллигента от всякого рода эрзац и псевдо.

Атмосфера дома, в котором вырос и получил воспитание Джемал Далгат, была вся пропитана высоким духом почитания классических образцов мировой литературы и искусства, и Дженнет, так же, в свою очередь, взращённая на идеалах высокой духовной и нравствен-

ной культуры, вкуче с великой любовью к своему Отечеству, выразившейся в стремлении служить ему всеми силами души, постаралась привить эти качества и своим детям.

Джемалу было восемнадцать, когда не стало его матери, и память о ней, для него священная, неустанно подвигала его к новым и новым высотам в музыкальном творчестве. Возможно, именно это обстоятельство и сблизило с известным дирижёром Далгата, как и он, рано потерявшего родителей и так же свято почитавшего их память. Они принадлежали к разным поколениям, но многие позиции жизненных устремлений и мировоззрения роднили их между собой, и Далгата неудержимо тянуло к общению с этим человеком.

Они подружались, насколько могут подружиться люди двух разных поколений. Разница в возрасте отнюдь не мешала им сблизиться духовно и по-человечески.

Дирижёр представил юношу своей семье, состоявшей из супруги и дочери Дженнет, которая была старше Далгата на несколько лет. Она рисовала картины и так же, как её отец и бабушка, имя которой она унаследовала, была вся пронизана творческим началом, пребывавая в убеждённости, что жизнь в её красочном многообразии должна быть запечатлена на полотнах наилучшим образом.

Постепенно визиты в дом Джемал-Эддина Далгата обрели характер традиционности, и как-то в один из вечеров молодой человек был представлен двоюродной племяннице хозяина, которую звали Сайда. Учтиво поздоровавшись, Далгат переключился на Джемал-Эддина, с увлечением рассказывавшего о новой постановке.

Беседа за столом была живой и непринуждённой. Все много шутили, особенно Дженнет, которая то и дело подтрунивала над Далгатом, интересуясь, сколько же черепов ему уже удалось откопать. Далгат отвечал ей в тон, в свою очередь спрашивая, сколько шедевров она выбросила за последние дни в мусорную корзину. Ему было хорошо среди этих людей, так неожиданно вошедших в его жизнь и ставших ему близкими.

Сайда почти не говорила, а лишь внимательно слушала, вставляя изредка фразы, носившие, как заметил Далгат, характер одновременно содержательный и юмористический. Когда настало время прощаться, Дженнет попросила его проводить девушку.

Тусклые жёлтые фонари освещали вечерние ленинградские улицы, снег мерцал и переливался, мягко хрустя под ногами. Молодые люди неспешно шли по безлюдным улицам и молчали, пока, наконец, Сайда не спросила:

– А вы действительно археолог?

– Ну да, правда, пока ещё не настоящий, – улыбнулся Далгат.

– Это как?

– Я пока учусь в аспирантуре, так что до настоящего археолога мне далеко!

– Но вы бывали в экспедициях?

– Да, был несколько раз на практике. Но в длительных ещё нет!

– Было интересно?

– Ещё бы! Знаете, какое это удивительное ощущение, когда ты находишься в одном мире, а видишь и соприкасаешься с другим, давным – давно ушедшим...

– А какая область вам больше всего интересна?

– С самого начала вообще-то меня увлекала Древняя Греция, но потом, послушав лекции Боголюбова, Абаева, Дьяконова, я очень заинтересовался Востоком, в частности Месопотамией, Вавилонией...

– Вавилония? Кажется, это что-то связанное с Навуходоносором? Честно говоря, я такой профан в истории Древнего мира!

Далгат улыбнулся:

– Ну, если вы произнесли без запинки имя Навуходоносора, то вы уже не профан!

– Большое спасибо, ваши слова меня окрылили! Я ошибаюсь, или это тот самый Навуходоносор, которому человечество обязано одним из чудес света?

– И снова bravo! Навуходоносор был женат на Амितिда, для которой он соорудил на вавилонских террасах, прямо за своим дворцом, знаменитые висячие сады, чтобы Амितिда не слишком скучала по своей родине.

– Представляю, как это было здорово! – восхищенно произнесла девушка.

– Вообще-то, основателем халдейской династии был Набопаласар, а уже при Навуходоносоре Вавилония достигла своего экономического и культурного расцвета. Александр Македонский, кстати, планировал сделать Вавилон столицей своей империи, да только не успел...

– Как интересно! – воскликнула Сайда. – В самом деле, археология – очень интересная наука!

– Это правда! Вы знаете, у нас такие блестящие учёные работают, и даже есть дагестанец.

– Правда? И кто же он?

– Дандамаев Мухаммад Абдулкадырович. Учёный от Бога и на удивление прост и доступен! Я с ним посоветовался, и он предложил мне сразу несколько направлений на выбор!

– Удивительно, где только нет наших дагестанцев! И, как я заметила, все состоялись в своих областях. Правда, это очень приятно?

– Ещё бы! – сказал Далгат, которому вдруг захотелось, чтобы девушка и его отнесла к состоявшимся дагестанцам.

– А вы когда-нибудь видели Аллу Джалилову? – спросила Сайда.

– Аллу Джалилову? Имя знакомое, но припомнить что-то не могу!

– Ну как же, это ведь известная балерина! И тоже, представьте себе, дагестанка! Она была солисткой Большого театра, исполняла ведущие партии в «Лебедином озере», «Русалке», «Князе Игоре»...

– Да, теперь вспомнил, – сказал Далгат. – Мама о ней рассказывала. Она всегда интересовалась балетом и всех известных балерин знала по имени. Точно не помню, но, по-моему, она говорила, что видела её на сцене.

– Необычайно интересная женщина! Сейчас она уже не танцует, но мне повезло, я застала её в двух постановках – «Баядерке» и «Раймонде»! Я тогда ещё девочкой была, и помню, как дядя Джемал повёл нас с Дженнет на спектакли, когда Большой приезжал к нам на гастроли.

– Увы, в Буйнакск, где прошло моё детство, Большой театр на гастроли не приезжал! – улыбаясь, сказал Далгат.

– Ой, простите мою бестактность! Я не хотела вас обидеть!

– А вы меня и не обидели ничуть! Наоборот, я вам благодарен!

– Между прочим, я когда-то мечтала стать балериной, как Алла Джалилова! Какое-то время даже ходила в балетную школу, пока не поняла, что это не моё!

– А что ваше? – спросил Далгат.

– Медицина. Сейчас я заканчиваю мед и собираюсь стать кардиохирургом!

– Ого! Хирургом, да ещё и кардио! Не страшно?

– Что вы, наоборот, интересно! Но нужно много учиться.

– Я думаю почему-то, что у вас всё получится!

– Спасибо, и я на это очень надеюсь. Ну, вот мы и пришли!

Они остановились у большого дома, явно принадлежавшего к эпохе монументальных сталинских построек.

– Извините, что не приглашаю, уже поздно!

– Спасибо, как-нибудь в другой раз.

Далгат помедлил и, повинувшись внезапному порыву, сказал:

- А давайте сходим с вами на какой-нибудь спектакль, а? Как вы на это смотрите?
Предложение девушку смутило, но она тут же ответила просто и без всякого кокетства:
– Буду рада! Записывайте телефон!

Глава 7

Свое раннее детство Сайда помнила смутно. В памяти остались лишь постоянные переезды с места на место, частые смены квартир, города, менявшие периодически свои названия от Нальчика и Владикавказа до Алупки и Тбилиси, и, наконец, Ленинград – как последняя пристань.

Переезды были связаны с работой отца, военного врача, несшего свою службу то тут, то там и повсюду возившего с собой семью – жену и двух дочерей-погодок.

Умалат Вагабович родом был из Амузги, древнего дагестанского аула, прославившегося своими искусными оружейниками. По разным причинам он не стал продолжать родовое ремесло, а подался в военную медицину, где и состоялся как хороший специалист.

Его жена Саният происходила из Далгатов и, унаследовав от своего рода творческую составляющую его духовности, нашла себя в музыке, давая уроки по классу фортепиано в музыкальных школах тех городов, куда судьба забрасывала её вместе с мужем.

Обе их дочери обладали ярко выраженными музыкальными способностями, однако ни одна ими не воспользовалась. Как-то сразу и нешумно одна обратила своё внимание на медицину, а – вторая на историю.

Медицина Сайду так увлекла, что практически не оставляла места для влюблённости, и личная жизнь её состояла в основном из посещения ленинградских театров и нечастых визитов к родственникам.

В один из таких визитов, познакомившись с оказавшимся там Далгатом, девушка с удивлением поймала себя на том, что не прочь была бы снова его увидеть. И потому, когда он спустя три дня позвонил, ей даже в голову не пришло, что можно было бы и поломаться для виду. Вместо этого она приняла его приглашение на спектакль в БДТ.

Они стали встречаться, и каждая встреча была для обоих важной и значительной, оба чувствовали нечто такое, что позволяло им думать друг о друге как о второй половинке, нежданно обозначившейся в природе и счастливо ими найденной.

Всё сходилось: и родство душ, и мироощущение, и жизненные принципы, и идеалы, и кровь, наконец. Жизнь обоих обрела новые краски и абсолютную душевную гармонию. Союзу их ничто не мешало, однако они не торопили события. Каждая встреча давала возможность лучше узнать друг друга.

Глава 8

Шёл урок биологии, и Александра Георгиевна, водя указкой по таблице, объясняла ученикам строение человеческого тела.

Додик Юшваев, сидевший за одной партой с Марьяшей, тихонько толкнул соседку локтем и прошептал:

– Смотри, что у меня есть!

– Что это? – не поняла девочка, глядя на белую пластмассовую палочку с выглядывавшим из неё острым концом.

– Это ручка, шариковая... Смотри, как она интересно пишет!

Он нажал на кнопочку и несколько раз провёл палочкой по тетрадному листу. Марьяша ахнула, увидев, как палочка заскользила легко по бумаге, оставляя на ней совершенно необычные изображения букв и слов.

– Что за чудо? – прошептала девочка, жадно глядя на ручку. – Где ты её взял?

– Дядька из-за границы прислал, – важно произнёс Додик. – Хочешь, попиши немножко?

– Хочу!

Марьяша взяла в руки ручку, оказавшуюся почти невесомой, и благоговейно прошлась ею по тетрадному листу. Ручка писала с удивительной лёгкостью, не требовавшей никаких усилий, и совершенно отличалась от тех металлических авторучек, что заправлялись чернилами и оставляли на пальцах фиолетово-синие следы.

– Слушай, я тоже хочу такую ручку! – тихонько сказала Марьяша.

Додик помолчал, обдумывая что-то, затем так же шёпотом произнёс:

– Ладно... Так уж и быть, давай меняться! Я отдаю тебе шариковую, а ты мне свою автоматическую! Согласна?

– Согласна! – прошептала счастливая Марьяша и, пока Додик не передумал, быстро положила перед ним красивую авторучку, подаренную ей отцом на день рождения.

Пряча ручку в портфель, Додик прошептал великодушно:

– Бери, мне не жалко, у меня ещё есть такая!

В конце урока Александра Георгиевна, бывшая их классруком, записала на доске задание и энергично хлопнула в ладоши, призывая школьников к тишине, после чего произнесла озабоченно:

– Дети, послушайте-ка меня! Приближается Первое мая, и мы должны дать от нашего класса какой-нибудь номер в школьную самодеятельность. Кто что может предложить?

В наступившей тишине неожиданно раздался голос Додика Юшваева:

– Я могу спеть песню!

– Ты?! – недоверчиво спросила Александра Георгиевна. – С каких это пор ты стал петь?

– Я всегда пою... дома! – важно произнёс мальчик. – И всем нравится!

– Ну, давай тогда спой, а мы послушаем и решим, пойдёт или нет!

Додик Юшваев вышел к доске и, встав лицом к классу, запел слегка гнусавым, но приятным голосом:

*Идёт весна, идёт по Апишерону,
Идёт на эстакады и поля,
В сады Куры, по карабахским склонам
Идёт весна, идёт моя весна!*

Он пел с видимым удовольствием и держался, как настоящий артист, а когда песня закончилась, школьники, тоже с удовольствием, дружно захлопали. Потом все посмотрели на Александру Георгиевну. Она сидела с непроницаемым лицом и не произносила ни слова.

– Ну как? – обратился к ней Додик. – Вам понравилась песня?

– Песня по-своему неплохая, – произнесла, наконец, учительница. – Но...

– Александра Георгиевна, он же хорошо спел! – хором закричали ученики.

– А я и не говорю, что плохо. И слова вполне соответствуют... про весну говорится... но...

Она снова сделала паузу и, наконец, решительно закончила:

– Музыка у неё какая-то... несоветская!

– Почему, хорошая ведь музыка! – вразнобой закричали дети.

– Не спорьте со мною! Говорю вам, что несоветская, значит, так оно и есть! Может, ты какую-нибудь другую песню знаешь? – обратилась к Додику Александра Георгиевна.

– Нет, не знаю! – мрачно ответил мальчик и сел на своё место.

Учительница призвала ребят к тишине и снова спросила:

– Так... Кто ещё может что спеть?

Дети молчали, и Александра Георгиевна, поняв, что песен больше не будет, бодро сказала:

– Ну, что же, будем тогда стихи подбирать!

Глава 9

Айша сидела перед прямоугольным чёрным ящиком с небольшим серовато-голубым экраном, с которого её любимая певица Бурлият Ибрагимова пела нежным, серебристым голосом «Аксайский вальс». Женщине нравилось слушать, как поёт Бурлият. Все ее песни отличались необычайной мелодичностью. Муи Гасанова ей также очень нравилась, но если пение Бурлият ассоциировалось у неё с нежным журчанием горных ручейков, то голос Муи вызывал в воображении мощный водный поток, несущийся с гор и сметающий со своего пути все преграды.

Обе пели о любви, и Айша, превосходно владевшая и кумыкским, и аварским языками, вслушивалась в слова песен и с трепетом в душе вспоминала ту свою давнюю девичью весну, когда Ансар одним лишь взглядом сумел навеки поразить и её воображение, и её юную душу.

Песня закончилась, и дикторша сообщила, что теперь по многочисленным заявкам зрителей для них споёт Рагимат Гаджиева, которую сменил всеми обожаемый Рашид Бейбутов с песней Сергея Агабабова «По горным дорогам» на стихи Расула Гамзатова, как вновь сообщила дикторша, ну, а потом на экране появился несравненный Батыр Закиров. Завершился концерт по заявкам «Песней о Тбилиси» в исполнении двух красивых сестёр-грузинок, стоявших у белой беседки на фоне чудесного пейзажа и певших чудесную песню о прекрасном городе.

К его названию Айша так и не привыкла, предпочитая говорить «Тифлис», хотя молодые её вечно поправляли.

– Оставьте меня в покое, – отвечала им Айша. – Для меня он навсегда останется Тифлисом, так же как Буйнакск ваш для меня Шура, а Махачкала – Анжи! Все эти новые названия – для вас, а мне оставьте старые!

– Ну какие же они новые, дадэй! – говорил ей Шамиль. – Они уже давным-давно так названы, меня ещё даже на свете не было! Так что давай, переучивайся!

– И не подумаю! Это для вас они старые, а для меня – новые. Вы называйте, как хотите, и я буду называть, как хочу!

– Ох, дадэй, дадэй, ну какая же ты у нас упрямая! – вторил брату Арсен.

– И ещё не хочешь никак признать, что бога нет! А вот наша учительница говорит, что нет! – не унимался Шамиль.

– А ну замолчи! – прикрикнула на внука Айша. – Чтобы я этого больше не слышала! Ничего эта ваша учительница не понимает!

– Ага, не понимает! Это ты не понимаешь! Ты ведь не умеешь даже читать и писать по-русски...

– По-русски не умею, зато по-другому умею... Ну ладно, всё, давайте прекратим этот разговор, а то мне придётся с вами поругаться! А как я могу ругаться со своими любимыми внуками? Дайте я вас лучше поцелую. И садитесь за уроки, а не то ваши слишком умные учителя понаставят вам кучу двоек!

Концерт по заявкам зрителей был окончен, и Айша, не переставая дивиться этому чуду в виде обычного ящика с говорящим экраном, переместилась на кухню.

Имран попросил приготовить на ужин его любимые буркив, и предназначенный для начинки творог уже с самого утра томился в ожидании, аккуратно разложенный для подсыхания на чайном полотенце.

Женщине доставляло ни с чем не сравнимое удовольствие готовить пищу для своей семьи. Покойный Ансар признавался, что даже его мать не готовит так вкусно, как она, Айша, а сын Имран утверждал, что Фариде, как бы она ни старалась, ещё очень далеко до кулинарных талантов его мамы. Айша, видя, что невестке не очень приятно слышать такое из уст мужа, всячески старалась сгладить его слова искренней похвалой фаридиной стряпни, но и сын, и внуки, и дочка с зятем в один голос утверждали, что даже простая яичница или калмыцкий чай, приготовленные её, айшиными, руками, имеют совершенно особый и неповторимый вкус, а уж о хинкалах и говорить нечего.

Ловко и привычно управляясь с тестом, женщина думала о жизни. Жизнь включала в себя будни, иногда праздники и – неизменно – воспоминания, которые были и сладостно-щемящими, и пронзительно-грустными. В этих воспоминаниях был её муж Ансар, была верная и любящая Шахри, были родители, братья, свёкор со свекровью и Манап, которого она почти не знала, но который успел сделать добро её семье. В воспоминаниях был родной Кази-Кумух. Его она не видела вот уже почти сорок лет, но селение периодически являлось ей во снах. А ещё в воспоминаниях были горы. Они были разными, в зависимости от времени года, зимой – в снегу, а летом – в цвету, и казалось, что они ждут её с тем терпением, с каким ждут родители возвращения домой своих детей.

Когда-то она добровольно покинула свой аул и больше уже туда не возвращалась, и так, по-видимому, было ей суждено. Но Буйнакск, который она упорно называла Шурой, полюбил её искренне и беззаветно. Это был её город. Здесь был её дом, и пусть она почти не покидала его стен, но всё в этом городе ей было близко и необыкновенно дорого. Она приняла Буйнакск всем сердцем, а он принял её, став навеки родным.

– Как поживаешь, сестра?

Голос Гасана, неожиданно раздавшийся рядом, заставил женщину вздрогнуть.

– Ох, извини, если напугал! Вошёл, смотрю, никого на веранде нет, слышу, на кухне кто-то ходит, вот и пошёл на звук!

– Присаживайся, Гасан, хорошо, что пришёл, у меня как раз твой любимый чечевичный суп с домашней колбасой! И буркив сейчас начну делать!

– Нет-нет, Айша, есть я не стану, только недавно поел от души, а вот от чая не откажусь!

– Вечно ты так! Почему кушаешь, когда к нам идёшь? В другой раз, смотри, ничего не ешь, а то я сильно на тебя обижусь!

– Хорошо, сестра, обещаю!

Гасан после смерти Ансара нередко навещался в дом Ахмедовых, один или с женой Светланой, почитая своим святым долгом оказывать внимание семье покойного друга.

Работа в редакции городской газеты «Знамя коммунизма» была несложной, но достаточно ответственной, несмотря на кажущееся однообразие тем и материалов. Бодрые вести с колхозных полей, жизнерадостные репортажи с фабрик и заводов, новости науки и культуры – на каждый материал приходилась соответствующая рубрика, и всё это перемежалось тщательно отобранными новостями из-за рубежа. И здесь главной идеологической задачей для всех без исключения работников печатного слова было реальное отображение непримиримых противоречий социалистического и капиталистического миров, естественно, не в пользу последнего. Союз Советских Социалистических Республик просто не мог, не имел права быть хотя бы в чём-то не на должном уровне в глазах и своих собственных граждан, и всей мировой общественности, тем более что западный мир, при всём его материальном благополучии, был весьма несовершенен в плане морали и нравственности, изобилуя вещами, абсолютно неприемлемыми для тех, кто строил коммунизм или, во всяком случае, искренне полагал, что строит.

Гасан со Светой принадлежали именно к таким искренне полагающим, и работа, которую Гасан выполнял в городской газете, позволяла ему тешить себя мыслью, что он делает

пусть однообразное, зато весьма нужное для города, для республики, а значит, и для страны дело.

Главное, думал Гасан, – это идея, а идея предусматривала в том числе и веру в печатное слово. И если, не дай Бог, перестать в него верить, то ты кончаешься и как журналист, и как гражданин, ибо всё на свете проходит, а печатное слово остаётся, и измеряться оно должно на вес золота.

Самого золота как такового Гасан со Светой не нажили, а то небольшое, что оставили родители, ушло на предметы быта. В какие-то моменты жизни они оказывались не менее важны, чем идея, включающая, помимо всего прочего, и печатное слово.

Ничего лишнего, такого, что могло бы обременить их жизнь с точки зрения материи, у них не было. И двоих своих детей они воспитали в полном соответствии с собственными жизненными принципами, один из которых гласил, что следует довольствоваться малым, ибо всех денег не заработаешь и в землю с собою не заберёшь, главное – это самоотверженный труд во благо общества.

– Расскажи, Гасан, как ты поживаешь, как Света и дети?

– Да вроде всё хорошо, сестра. Дела идут по-прежнему, в одном и том же режиме, а вот здоровье на месте не стоит, всё движется... к своему ухудшению! Ну, ничего, как-нибудь справимся!

– По-прежнему всё едешь в свои командировки?

– Нет, уже не езжу, наездился! Теперь молодые ездят, а я всё больше сижу за своей машинкой.

– Да-а-а, интересная у тебя, должно быть, работа, – сказала Айша. – С людьми много встречаешься и обо всём, что на свете происходит, знаешь!

– Ну да, – согласился Гасан. – С такой работой уж точно со скуки не умрёшь!

– Ты мне скажи, а что было для тебя самым удивительным и интересным за всё время, что ты работаешь? – поинтересовалась Айша.

– Самым удивительным? – Гасан задумался и, немного помолчав, ответил: – Самое удивительное и потрясающее зрелище, которое мне когда-либо приходилось видеть в своей жизни, – это Чиркейская ГЭС.

– Чиркейская – что? – не поняла Айша.

– Ну, гидроэлектростанция... Плотину построили на реке Сулак, самую, пожалуй, большую во всей нашей стране! Представь себе, сестра, горное ущелье, где выстроена более чем двухсотметровая плотина, а с площадки сбоку такой вид открывается, что аж сердце замирает и дух захватывает!

– Ну, высотой-то в горах никого не удивишь! – заметила женщина.

– Высотой и впрямь не удивишь, а вот можешь ли ты представить себе, чтобы в горах было огромное море?

– Море в горах?! Это как же?

– А вот так. Выходишь на площадку и видишь перед собою громадных размеров море, и создано это море не природой, а человеческими руками!

– Вай Аллах, чего только в жизни не услышишь! – покачала головой Айша. – И где же это находится?

– На месте аула Чиркей. Его жителей пришлось переселить на равнину, теперь это место называется Новый Чиркей, ну, а сам аул затопили...

– Затопили?! Как это можно! Люди ведь там веками жили! Зачем же так с ними поступили!

– Видишь ли, сестра, эта плотина нам позарез нужна! Благодаря ей мы получаем электричество, и в недалёком будущем весь наш Дагестан, да что там Дагестан, весь Кавказ будет отсюда снабжаться электроэнергией!

– Всё равно людей жалко! – упрямо сказала Айша. – Там ведь могилы их предков, и все затоплены...

– Ну... ради великого дела приходится жертвовать чем-то! Как говорится, лес рубят – щепки летят! Я, кстати, писал о Чиркейской ГЭС.

– Да, наши домашние читают все твои статьи. Молодец, говорят, дядя Гасан, хорошо пишет, задор ещё есть!

– Ну... порох, конечно, ещё не иссяк, хотя... иногда вот думаю, может, лучше вернуться в горы, там, наверно, больше бы пользы принёс!

– Не стоит, Гасан, думать о том, что было бы, если бы... Как нам предписано, так и бывает! Хотя, если честно, я и сама нередко тоскую по горам, увидеть бы, думаю, хоть разок!

– Ну, уж гор-то я, слава Богу, понавидал на своём журналистском веку! Весь Дагестан вдоль и поперёк облазил. Горы как стояли, так и будут стоять до скончания века. Ты мне расскажи, как твои дети?

– Слава Аллаху, дети живы-здоровы. Малика часто приезжает из Махачкалы вместе с Юсупом, Марьяша уже подросла, учится на одни пятёрки, очень сообразительная девочка растёт! Буйнакск обожает, хлебом не корми – дай сюда приехать!

– А как их сынишка?

– Мажидик просто золото! До чего прелестный ребёнок, словами не передать! Дадэй, говорит, я, когда вырасту, буду Гагариным! Представляешь?

– А скажи-ка ты мне, Айша, по секрету, кого из внуков больше любишь?

– Да всех, конечно, одинаково! – улыбнулась Айша. – Ну... разве что к Марьяше чуть-чуть особое отношение, всё-таки самая первая родилась, и единственная пока что у нас девочка!

– Да-а, жаль, Ансар не всех успел увидеть! Вот бы радовался!

Айша вздохнула и в наступившем молчании подлила чай в чашку Гасана.

– А чай твой, сестра, как всегда, ароматен и вкусен! Рецепт, небось, всё тот же? – лукаво подмигнул Гасан.

– Ну, конечно! Не жалеть заварки и...

– И души?

– Вот именно!

Они засмеялись и вновь умолкли. Допив чай, Гасан спросил:

– Что слышно от Далгата? Как он там?

– Далгатик, слава Аллаху, живёт неплохо, учится, город ему очень нравится.

– Это хорошо! Я уверен, что из нашего Далгата выйдет ба-а-льшой учёный! Он ведь на археолога учится?

– Да, на него, хотя я не очень-то понимаю, для чего ему понадобилось в земле копать! Он хоть и помогал, бывало, Ансару по саду, всё же больше любил книжки читать!

– Ну, одно другому не мешает. Мальчик выбрал себе такую профессию, когда чем больше книжек прочтёшь, тем удачнее раскопки. Письма вам часто пишет?

– Да нет, не очень... Раньше часто писал, а теперь в полгода раз. Но всегда интересуется, про всех спрашивает, приветы передаёт!

– А квартира их так и пустует?

– До недавнего времени пустовала, а сейчас там пока живёт двоюродная племянница Манапа.

– Это которая?

– Дочка Абдулабека, помнишь, его тоже репрессировали вслед за Манапом!

– А-а-а, ну да, ну да... Тяжкие были времена!

– Ещё какие тяжкие... Ну, твоих-то, слава Всевышнему, это миновало!

– Можно сказать и так. Но зато всю мою родню по материнской линии выгнали с гор и переселили на равнину. Тоже нелёгкое дело для души! Ты ведь помнишь это время?

– Ещё бы не помнить! Такое забудется разве?

– Эх, сестра, давай-ка лучше не будем о плохом! Сейчас, слава Богу, всё вроде спокойно!

– Да, сейчас время, кажется, и в самом деле успокоилось. Люди одеты-обуты, накормлены, всюду порядок, государство работу даёт.

– А ещё учит и лечит бесплатно! И жильё даёт бесплатное всем, кто нуждается! Это разве плохо?

– Кто говорит, что плохо? Просто... пока это время наступило, много чего пришлось пережить.

– Ничего не попишешь, дорогая Айша, опять, как видишь, приходится сказать: лес рубят, а щепки летят!

– Ох, не люблю я эту пословицу! Больно много щепок этих полетело!

– Да-а! – Гасан поёрзал, а потом поднялся, засобиравшись уходить.

– Передай от меня Свете привет. В другой раз приходите вместе, я её уже давно не видела, соскучилась! – сказала Айша.

– Вот взяла бы да и сама к нам пришла!

– Что ты, брат, я ведь никуда не выхожу! Если только, не дай Аллах, на соболезнование к кому, а так всё время дома. Как-то раз вышла проведать Хасанат, свою давнишнюю приятельницу, так внуки мои к ней туда за мной прибежали, пошли, говорят, дадэй, домой, без тебя там плохо! Вот так и сижу целый день дома, пока все мои не соберутся!

– Ну что ж, пойду я, пожалуй... – Гасан, покрхтывая, поднялся. – Спасибо за угощение! Имрану от меня большой салам, давненько я его тоже не видел.

– Передам обязательно! Спасибо, что не забываешь нас!

– Как я могу! Пока ноги меня несут, буду приходить, а там... пусть уже дети ваши ко мне приходят!

Глава 10

Нурадин закрыл калитку и медленно побрёл вдоль старой кумухской дороги, которая по-прежнему звалась в народе Царской, и название это, вероятно, во всём Советском Союзе было единственной географической памятью о тех временах, когда на Руси правили цари.

Правда, нынешняя Царская дорога ничем не напоминала прежнюю, и появившись на ней вдруг фаэтон, коих прежде тут было немало, теперешние кумухцы были бы таким зрелищем весьма ошеломлены. Зато теперь здесь было много машин и автобусов, сновавших через Кумух и обратно в разные районы Дагестана.

Да-а, думал про себя Нурадин, направляясь этим утром в сторону базара, что и говорить, Кумух нынче уже не тот, что раньше. Вон выстроено здание клуба, рядом книжный магазин, школа, педучилище, а с другой стороны лакский театр, сельская библиотека... «Всё, всё имеется для образования людей! – думал с удовлетворением Нурадин. – Мы разве могли мечтать об этом до революции?»

Эх, много же воды утекло с тех пор, как Советы победили! И воды много утекло, и людей много погибло. А он вот уцелел, хотя довелось хлебнуть всякого. Репрессирован был по доносу, в застенках НКВД побывал, да и после ещё долго ходил, ощущая на себе косые взгляды людей... Да что уж вспоминать! Жизнь прошла, в стране давно мир, Никиту, слава Аллаху, недавно скинули, а дело революции живёт и будет ещё жить и жить, иншаллах!

– Салам алейкум, Нурадин! Куда путь с утра держишь?

Старый Закир, придержав за поводок навьюченного поклажей осла, остановился на обочине дороги и достал из кармана потрёпанной фуфайки столь же потрёпанный кисет. Захватив из него пальцами щепотку табака, он с шумом втянул его в ноздри и громко чихнул.

– Ваалейкум салам, друг мой Закир! – отозвался приветливо Нурадин. – Вот иду на базар, жена дала поручение, заодно, думаю, дай пройду по Кумуху!

– О-о, поручения жены лучше выполнять, иначе себе же дорожке будет! – произнёс старик шутливо. – А базар наш кумухский как стоял, так и будет стоять, и всегда в нём можно найти, что тебе нужно!

– Да вот я и сам только что думал об этом. Жизнь меняется, и Кумух наш сильно поменялся!

– Ну да, теперь он просто райцентр и без приставки «Кази», а то, что раньше звалось Кази-Кумухским округом, нынче просто Лакский район.

– Да разве дело в названии, Закир? Главное, чтобы людям хорошо жилось!

– Это, конечно, верно, но и прежнее название нам не просто так досталось, за него нашим людям тоже пришлось немало крови пролить!

– Всё-таки согласись, хотя многое и поменялось, но кое-что остаётся неизменным, вот как наш, например, кумухский базар, как наша старая мечеть, как... как твой ишак, наконец!

– Точно! – обрадованно сказал Закир. – Хоть и скотина, а товарищ самый что ни на есть надёжный! Сколько лет при мне, уже и не помню! И где только меня ни выручал!

– А я тебя без него и не представляю, дружище!

– Да я и сам себя не представляю! И знаешь... – Старик помедлил и произнёс дрогнувшим голосом: – Я его даже на автомашину бы не променял! Не знаю, кто из нас двоих раньше помрёт, я или мой ишак, но обоим нам друг без дружки будет скучновато!

Закир втянул в нос ещё щепотку табака и обратился к ослу:

– Ну, что, летучий голландец, застоялся на одном месте? Давай, пошли уже!

Он поцокал языком, и осёл послушно двинулся вперёд.

– Бывай, Нурадин!

– И ты будь здоров, дружище!

Нурадин продолжил свой путь вниз по Царской дороге. Идущие навстречу сельчане тепло приветствовали его, отдавая дань уважения этому седовласому человеку, немало сделавшему для того, чтобы жизнь людей в их районе поменялась к лучшему.

– Как поживаешь, Нурадин?

Перед ним, улыбаясь, стояла Шамай, приходившаяся дальней родственницей его жене Марзижат. Выбившиеся из – под косынки седые пряди подчёркивали молодость её лица, приятные черты которого годы не смогли ни испортить, ни ожесточить.

– Хорошо, сестра, а как ты?

– И я, слава Богу, пока жива! Дома всё в порядке?

– Всё нормально, вот только родственница твоя издевается надо мной, всё гоняет туда-сюда с поручениями!

– Ладно-ладно, не прибедряйся, сам, небось, вызвался пойти! Ничего, кроме хорошего, не будет, если лишний раз на улицу выйдешь, с людьми встретишься! Ты, кстати, уже видел нашу новую спортивную школу?

– Нет, не видел. А что за школа?

– Да Ибрагим Чалабов открыл... Молодец он всё-таки! И памятник Саиду Габиеву поставил, и школу спортивную для молодёжи выстроил, и вообще много хорошего для нашего Кумуха делает, дай Аллах ему здоровья!

– Верно говоришь, Ибрагим и в самом деле очень порядочный человек! Побольше бы таких! – произнёс Нурадин.

– А какой портрет Сталина он нарисовал! – продолжила Шамай восхищённо.

– Ну, о Сталине давай лучше помолчим! – сердито перебил её Нурадин.

– Почему это? Я, между прочим, его как уважала, так и продолжаю уважать, чего бы там Хрущёв и остальные ни болтали!

– Хрущёва я и сам не любил, а вот Сталин оказался совсем не такой, как все мы о нём думали...

– Хочешь знать, лично для меня он всегда останется великим человеком! – с горячностью воскликнула Шамай.

– Уж тебе-то, моя дорогая, как раз и не стоило бы так о нём отзываться! – саркастически ответил Нурадин. – Как можешь его уважать ты, которая по его милости отсидела ни за что ни про что целых восемь лет!

– А при чём здесь Сталин? – спокойно сказала женщина.

– Как это при чём? – воскликнул Нурадин так громко, что проходившие мимо них школьницы удивлённо повернули к нему головы с косичками с белыми и голубыми бантиками.

Улыбнувшись в ответ, Шамай сказала:

– Меня-то ведь не Сталин в тюрьму посадил, а Сулейман из Хосреха!

Нурадин не нашёлся, что ответить, а женщина заторопилась:

– Пойду-ка я, а то внучка, небось, заждалась!

Распрощавшись и пройдя несколько шагов, она крикнула вслед Нурадину:

– А в спортивную школу всё же зайди, посмотри, раз мимо идёшь!

Глава 11

– Боже мой, что же это творится на свете?!

– Что случилось, дадэй? – встревожилась Фарида.

– Представляешь, в Америке Кеннеди убили! – Глаза женщины подозрительно заблестели. – По радио сказали, что поехал в какой-то город, и там его среди бела дня у всех на глазах застрелили! Ужас! Как можно так – взять и убить человека, как можно?! Это ведь такой грех!

– Действительно, ужас! – прошептала Фарида.

Убийство потрясло всех. У людей было ощущение, что оно произошло не на противоположном конце планеты, а совсем рядом. Американский президент Кеннеди тут же превратился из политического оппонента в невинную жертву, насильственно лишённую самого святого из человеческих прав – права на жизнь.

Айша, потерявшая немало близких людей, была потрясена самим фактом злодеяния, противоречившего всем Божьим и человеческим законам, и белозубая мальчишеская улыбка американского президента долго ещё стояла перед её глазами.

* * *

Ополоснув и тщательно протерев полотенцем хрустальные рюмки, из которых за многие годы было выпито гостями дома немалое количество обжигающей жидкости, Фарида разложила их по местам и взялась за тарелки. Все это молодая женщина делала автоматически, а мысли её были заняты отнюдь не посудой.

Вечером у них, как обычно, были гости, и Фариде не удалось задать мужу тот вопрос, который нестерпимо жёг ей душу. Она мысленно прокручивала в голове, как задаёт мужу этот злосчастный вопрос и как он увёртывается, пытаясь сохранить иронически-шутливый тон, а она вновь и вновь задаёт ему тот же вопрос, в котором меняется лишь имя: «Что у тебя с этой Аллой... Патей... Мариной...?»

«Ничего абсолютно, – ответит Имран. – Вечно эти твои дурацкие подозрения! Не надоело?» Скажет и поспешит выйти из комнаты под предлогом того, что его ждут дела. Или же притворится, что спит. Либо, наоборот, привлечёт её к себе и произнесёт ласково: «Глупенькая, ну как тебе могло такое в голову прийти? Ты должна знать, что я люблю только тебя одну и больше никого!»

И Фарида, страстно желая верить мужу, прикинула к нему доверчиво, ругая себя за то, что позволяет собственной ревности так управлять собой.

Она любила своего мужа. Он был её мужчиной, её повелителем, тем человеком, кому она была передана из рук в руки отцом. Он был её мужем перед Богом и людьми, отцом её сыновей, хозяином её мыслей и чувств и, наконец, хозяином дома, в котором она жила. Так она была воспитана, и пусть Имран нередко позволял себе флирт на стороне, она, как бы это ни было для неё горько и мучительно, прощала ему всё.

Пару раз она была близка к тому, чтобы уйти от мужа, когда его романы приобретали совсем уж очевидный характер, но в конце концов оставалась, помня, как настойчиво просил её покойный Ансар потерпеть, а также не в силах расстаться с Айшей, всегда относившейся к ней с трепетной материнской нежностью.

Да и куда она пойдёт? Никогда Саидбек не позволит дочери уйти от мужа, а для Шамиля и Арсена Имран всегда был хорошим отцом. Да и муж он был хороший... Весёлый, ласковый, заботливый. Вот только эти его романы на стороне!

Фарида горестно вздохнула и принялась за кастрюли, после которых её ещё ждали студенческие тетрадки. В ушах молодой женщины не стихал уверенный, нагловатый голос незнакомки:

- Могу я поговорить с Имраном Ансаровичем?
- А кто его спрашивает?
- Это его знакомая!
- А это его жена! И будьте добры, не звоните сюда больше!

Связь на том конце провода поспешно отключили, а Фарида всё стояла с телефонной трубкой в руке и мысленно задавала мужу набивший оскомину вопрос: «Что у тебя с этой женщиной?»

Подруг у неё не было. В педучилище, куда она перешла на работу из школы, коллектив был дружным и сплочённым, а директор Гаджи Сагидович был просто умница. Они общались семьями, иногда выезжая на маёвки или нанося друг другу визиты, и Фариде очень нравилась супруга Гаджи Сагидовича Патимат, стройная и высокая брюнетка с короткой стрижкой и интеллигентными манерами, явно обожавшая своего мужа и столь же явно обожаемая им. Приятно было глядеть на эту красивую пару, приятно было общаться с ними, но Фарида с Имраном у них почти не бывали, редко выходя куда-то вместе, а всё больше принимая людей у себя.

А когда не было гостей, то работа в доме всё равно находилась, да и дети постоянно требовали внимания, и тогда Имран отлучался «ненадолго» и один, а Фарида оставалась дома, и они с Айшей коротали вечера перед телевизором, смотрели кинофильмы. Среди них особенной любовью у обеих пользовался фильм «Тучи покидают небо» с очаровательной Тамарой Хашаевой в роли главной героини, чья судьба волновала не одно поколение дагестанок.

Иногда Имран брал её с собою в Махачкалу, но такое случалось редко, чаще он ездил туда с друзьями. В Махачкале они навещали обыкновенно родственников, или гуляли в Вейнеровском саду с Маликой и Юсупом, либо отправлялись с детьми в цирк или зоопарк, время от времени с удовольствием сюда наезжавшие.

Глава 12

Разия-ханум была женщиной хозяйственной и прагматичной. Дом Саидбека, куда она много лет назад вошла хозяйкой, держала в образцовом порядке, готовила отменно, гостей принимала радушно и в своём старании нравиться и мужу, и окружающим превзошла саму себя, тщательно следя за внешностью и периодически пополняя гардероб элегантными, красивыми нарядами.

Муж окружил её заботой и вниманием, не отказывая ей ни в чём и ожидая от неё лишь уважения и любви к нему и к его единственной дочери Фариде, с малых лет оставшейся без матери.

Разия-ханум по-своему была привязана к девочке, однако, лишённая природой материнства, не могла испытывать к ней той самой всепоглощающей и жертвенной любви, которая присуща подавляющему большинству матерей.

Полагая, что она сделала всё, чтобы над Фаридою не довлел комплекс сироты, Разия-ханум приняла самое горячее участие в её замужестве, щедро наделяя девушку советами, главным из которых был уход за собой.

– Смотри, – учила она девушку, – первым делом, когда утром встаёшь с постели, причешись красиво, надень нарядный халат, чтобы твой муж, когда встанет, увидел тебя прибранной и чтобы ему было приятно, ты поняла? Вначале себя приведи в порядок, а потом уже можешь заняться уборкой постели, завтраком и всем остальным!

Теперь Фариде и сама стала матерью и, похоже, вполне ладила со свекровью, утверждая, что совместное проживание ей нисколько не в тягость, а даже наоборот. Да и Айша не уставала хвалить свою сноху, и Саидбеку это было так же приятно, как и факт наличия у него двоих внучат.

Конечно, Фариде в доме своего мужа обрела семью, у Саидбека есть дочь и внуки, а вот она, Разия, по-прежнему одна-одинёшенька. Правда, у неё есть муж, и сёстры, и брат, есть свой дом, деньги и куча облигаций государственного займа, служащих гарантией того, что государство обязуется выплатить его своим гражданам по первому требованию, у неё есть золото и драгоценности, посуда, ковры и множество нарядов, но... У неё нет детей, и это обстоятельство не просто омрачало, а, можно сказать, здорово портило ей жизнь.

До брака с Саидбеком у Разии-ханум был первый муж, которого она любила жгучей, страстной любовью. И он её сильно любил, им было очень хорошо вместе, вплоть до того чёрного дня, когда врач прямо заявил им, что детей у них никогда быть не может.

По сию пору ей видится напряжённо-несчастное выражение, которое при этих словах появилось на лице Расула. С того дня оно почти его не покидало. Теперь он уже не спал, крепко прижав её к себе, а отворачивал от неё лицо, притворяясь спящим, но вырывавшийся из его груди тяжкий вздох выдавал все его переживания. Видя это и мучаясь не меньше, она решила однажды:

– Я же вижу, как тебе тяжело! Решай этот вопрос так, как ты должен его решить. Ты достоин иметь детей, а я никогда не смогу тебе их подарить... Отправь меня домой, к моему отцу, а сам женись на женщине, которая подарит тебе потомство!

Снова тяжело вздохнув, Расул привлёк к себе жену и сказал взволнованно и запинаясь:

– Свет моих очей, любимая моя жена, ты всё поняла правильно! В нашем большом тухуме есть люди, мои двоюродные брат и сёстра, у которых нет детей, и я вижу, как это для них мучительно. И я так же мучаюсь и страдаю. Сердце просто на части разрывается: с одной стороны, ты – любовь моей жизни, а с другой – долг перед родителями, перед предками, ожидающими продолжения нашего рода, нашей фамилии. Ты ведь знаешь, я у роди-

телей единственный, и если у меня не будет детей, то род наш угаснет, так на мне и закончившись... А я никак не могу этого допустить!

– Я понимаю, – тихо произнесла Разия. – Завтра я буду готова к отъезду.

Вот так они расстались. А потом судьба послала ей вдовца, которому нужна была именно такая женщина, как она, чтобы, не будучи в состоянии родить детей собственных, она отдала бы всё своё душевное тепло его оставшейся без матери дочурке.

И она старалась, как могла, хотя, конечно, и злилась порой про себя, чувствуя, что сердце мужа принадлежит всё-таки не ей, Разие, а дочке Фариде. И, мучаясь этим, она страстно желала иметь своего, только ей одной принадлежавшего ребёнка, чтобы подле неё всегда был собственный её человек.

Мысль эта захватила её так сильно, что однажды, едва дождавшись прихода Саидбека и поставив перед ним блюдо с дымящимся пловом, она села напротив и осторожно начала разговор:

– Саидбек, милый, хочу поговорить с тобой.

– Что-то случилось? – Муж взглянул на неё внимательно.

– Нет, слава Аллаху, просто я хотела тебе сказать, что... Фарида, наша дочь, уже совсем взрослая, устроена очень даже неплохо, в хорошую семью попала, фамилию мужа носит, детей имеет, работает, одним словом, всё у неё хорошо, альхам-дулиллах! А мы вот с тобою остались одни...

Саидбек, перестав есть, отложил в сторону вилку и снова внимательно посмотрел на жену, но ничего, однако, не сказал. А Разия-ханум, приободренная его молчанием, продолжала:

– Ты-то целый день работаешь, отвлекаешься на людях, с друзьями общаешься, а вот я...

– А ты, бедная, ни с кем не общаешься, да? – иронично произнёс муж.

– Не надо так! Я ведь не жалуясь, что мне не с кем общаться, я с удовольствием хожу и к Айше, и к приятельницам своим, да только вот... одиноко мне очень!

– Что значит одиноко? У нас, слава Аллаху, есть внуки, что тебе мешает ими заниматься?

– В том-то и дело, что им со мною неинтересно! Они только и знают, что об Айше говорят, всё «дадэй, дадэй», а я для них – так, троюродная тётка!

– Ну, значит, ты сама не смогла их к себе расположить или же не захотела! Короче, к чему весь этот разговор?

Под прямым взглядом мужа Разия-ханум собралась с духом и выпалила:

– Я вот что думаю: может, возьмём себе ребёнка на воспитание?

– Ребёнка? – Саидбек от неожиданности вздрогнул. – Что значит на воспитание? Ты имеешь в виду взять чужого ребёнка?

– Ну да... Есть же у нас детские дома, приюты всякие, оттуда и возьмём.

Меньше всего на свете Разия-ханум думала о детском доме. Несмотря на то, что она побаивалась мужа, всё же, прекрасно изучив его характер, женщина знала, что гнев его проходит быстро, а сердце у него доброе, как у ребёнка.

Несколько минут наступившего молчания показались ей вечностью. Потом Саидбек откашлялся и обратился к ней неожиданно мягко:

– Послушай-ка, жена, расскажу тебе одну притчу. У одного короля рождались все девочки, и он однажды сказал с досадой жене: «Родишь ещё хоть одну девочку, выгоню и тебя, и всех твоих дочерей впридачу!» Жена сильно испугалась, и когда в очередной раз забеременела, то накануне родов позвала к себе личного своего лекаря и поделилась с ним своими страхами. «Ничего, – сказал ей лекарь. – Неподалёку отсюда расположен цыганский табор, и там одна цыганка разродилась сегодня сыном. Я с ней договорюсь, и если у тебя

вдруг родится очередная девочка, то мы просто поменяем детей. Никто и знать не будет!»). Так оно и вышло. Королевская дочь оказалась в таборе, а новорожденного сына цыганки тайно доставили в королевские покои. Счастливый король гордился сыном и не мог на него нарадоваться. Когда ему исполнилось шестнадцать лет, король взял юношу с собою, желая показать все свои владения. Вот едут они по полям, по лесам, по горам, и в одном месте король увидел, что сын его задержался у какого-то дерева и внимательно его рассматривает.

– В чём дело? – спрашивает он юношу.

– Отец, нужно срубить это дерево! – взволнованно отвечает сын.

– Срубить? Зачем? – удивился король.

– Ты посмотри на его ствол! Из этого ствола можно изготовить не меньше ста ситечек!

– Каких ситечек? – не понял король.

– Ну, тех, что для просеивания! Это дерево как раз для них подходит!

Король и его свита переглянулись в недоумении. Все знали, что сита изготавливались и продавались только цыганами, и король был поражён, откуда может его сын знать о таких вещах. Заподозрив неладное, он призвал к себе королеву и потребовал сказать правду. Женщине ничего не оставалось делать, как признаться во всём мужу, и тогда король после долгих раздумий принял решение. Он распорядился отправить юношу обратно в табор, а дочь его, выросшую среди цыган, вернуть во дворец.

Саидбек умолк и взглянул на жену. Разия-ханум сидела, не поднимая головы и не произнося ни слова, и тогда он сказал:

– Тебе понятно, почему он это сделал?

– Понятно, – ответила женщина.

– То-то! Голос крови – это великая сила, которая рано или поздно непременно даст о себе знать! И поэтому... – Он сделал паузу и продолжил: – Если хочешь кого-то взять, бери из своих!

Повеселев от столь удачного исхода разговора, Разия-ханум ласково улыбнулась мужу. Она знала, что нужно теперь предпринять.

На следующий день, едва дождавшись, пока муж отправится по делам, женщина вышла из дома и поспешила на почту. Заказала телефонный разговор с Ашхабадом и присела на скамейку в тревожно-приятном ожидании.

Ждать пришлось долго, однако терпение её было вознаграждено. Голос сестры, то и дело прерывавшийся из-за помех, звучал в её ушах, словно музыка, когда Салимат, подтвердившая свою очередную беременность, пообещала отдать ей ребёнка.

В свою очередь Разия-ханум клятвенно заверила сестру, что ребёнок этот вырастет в холе и неге, не будет ни в чём нуждаться, будет получать от своих весьма обеспеченных родителей одну лишь любовь и ласку и никогда не узнает, что он у них приёмный.

У Салимат, в отличие от Разии, детишки рождались на свет один за другим, и пятерых уже родившихся было, пожалуй, достаточно. А если Бог пожелал послать ей ещё одного ребёнка, то почему бы и не выручить сестру?

Глава 13

Как обычно, гости дома собрались за столом в самой большой комнате, называемой залом, и, привычно перескакивая с одной темы на другую, обменивались шутками, спорили, взрывались хохотом, в финале перекрывая всё это музыкой.

В другой комнате, расположившись в кресле и привычно орудуя штопальной иглой, Айша чинила детские носки, бросая время от времени взгляд на заслонку печи, за которой уютно и весело трещали дрова.

Простая, светлая комната, одновременно служившая им и кухней, и столовой, была уставлена вещами, добросовестно находившимися возле своих хозяев не один десяток лет. Громадный буфет из чёрного полированного дерева с множеством полок, ящичков и отделов, который Ансар в своё время приобрёл для их нового дома, занимал большую часть стены, рядом прочно расположился обеденный стол, за которым трапезничало вот уже третье поколение семьи Ахмедовых. В углу комнаты у окна стоял диван с высокой спинкой из дерева и кожи, над ним висел ковёр с изображением огромного, полулежащего на траве посреди зелёной лужайки дога. Перед ним, взобравшись в детстве с ногами на диван, Марьяша подолгу стояла, вглядываясь с замиранием сердца в необычайно умные и выразительные собачьи глаза.

У их дворового пса Акбара глаза также были умными и выразительными, но шерсть его свисала порой грязными клоچьями, а эта собака выглядела такой ухоженной, что девочку так и тянуло дотронуться рукой до её гладкой, лоснящейся шкуры.

В противоположном углу комнаты находилась большая печь, топившаяся дровами и углем. Уже с конца октября в ней разводили огонь, готовилось великое множество гостевых угощений, не говоря уже об обыденных семейных трапезах.

В летние дни пищу готовили во дворе под навесом – когда-то на двух больших керосинках, позднее они сменились керогазом и примусом, хотя лично для Айши комнатная печь была и родней, и привычней.

Благодаря соседству с печкой одна из стен примыкавшей к столовой комнаты, где спали мальчики, всегда была тёплой, и Арсен, заявив старшему брату, что будет спать на этой стороне и больше нигде, обожал прикорнуть у этой стенки, щедро одарившей мальчика своим теплом.

Шамиль вяло протестовал, но совсем недолго, довольствуясь большей по размеру кроватью с никелированными набалдашниками, стоявшей возле окна, выходявшего на веранду, откуда хорошо просматривалась значительная часть двора.

Приезжавшая из Махачкалы Марьяша спала обычно вместе с бабушкой в её комнате. Перед сном она слушала рассказы Айши о царских временах, об отправленных в далёкую ссылку родителей, о верной Шахри, о дяде Далгате. Последнего она видела редко, но хорошо знала по рассказам старших.

– Я знаю, – говорила Айша внучке, – твой дядя далеко пойдёт и станет большим человеком! Он всегда был серьёзным и умным мальчиком, всегда любил учиться. Вот и сейчас он учится в... этой самой... как её... анспарантуре!

С трудом выговаривая непонятное слово и чувствуя в темноте, что внучка улыбается, Айша с обидой добавила:

– Смеёшься, да? Что ж, я, как вы, в русскую школу не ходила и всякие такие слова не знаю!

– Нет, дадэй, я не смеюсь! Просто мы с тобой так смешно общаемся: ты ко мне по-лакски обращаешься, а я тебе на русском отвечаю!

– А ты тоже отвечай по-лакски! Что это за манера говорить только на русском языке? В школе говори сколько хочешь, а дома нужно говорить на своём родном!

Под такие разговоры девочка постепенно погружалась в сладкий и крепкий сон. Айша продолжала разговаривать, всё больше уже с собой, и беседа её также мало-помалу переходила в сон, где она продолжала общаться с никогда не покидавшими её память близкими, она жаловалась им на внуков, не желавших говорить на языке своих дедов и прадедов.

Не зря Айша переживала. Действительно, выходило так, что по-лакски в семье говорили лишь взрослые, ну, а дети, окружённые сверстниками – представителями самых разных народностей страны, всё больше привыкали к русской речи, звучащей практически повсюду. В яслях и детских садах, в школах и техникумах, в больницах и магазинах и на

улице – повсеместно звучал русский язык, и только на городском базаре люди изъяснялись на языке кумыкском, как наиболее лёгком и всем понятном. Хотя порою и покупатели, и продавцы, сами того не замечая, переходили на русский язык, изъясняясь на нём пусть коряво, но зато с примесью гордости.

Айша, прожившая в Буйнакске не одно десятилетие и практически не покидавшая дома, по-русски говорила с трудом, но теперь получалось так, что благодаря внукам она всё успешнее им овладевала, тогда как сами дети на родном языке не говорили, и, как бы ни волновала женщину данная проблема, изменить что-либо она была не в силах.

* * *

Таира Измайловна, невысокого роста, с чёрными, слегка раскосыми глазами, гладко зачёсанными, начинающими седеть волосами и мягкой улыбкой, освещающей её белое широкоскулое лицо, жила через три дома от Айши, работала врачом городской больницы и происходила из крымских татар. Будучи насильственно выселенной из родных мест, семья её вместе с другими такими же насильственно выселенными оказалась волею судьбы в далёком, доселе неведомом им Буйнакске, где и обосновалась, как оказалось, всерьёз и надолго, хотя в глубине души Таира Измайловна и лелеяла надежду, что когда-нибудь им всё же удастся вернуться на свою обожаемую историческую родину.

Она похоронила здесь мужа, также до последнего надеявшегося увидеть родные места, но так и оставшегося лежать в буйнакской земле. Его могила, неизменно ухоженная заботливыми руками Таиры Измайловны, по весне благоухала самыми разнообразными посаженными на ней цветами.

И сад в небольшом домике Таиры Измайловны поражал своими роскошными плодами, и сама она, приветливая и степенная, придя порою навестить Айшу, несла с собою душевное тепло и сердечность, которые неизменно находили отклик в столь же щедрой душе последней и вызывали в ней щемящие ассоциации с родителями, тоже некогда насильственно изгнанными с родных мест.

«Странное дело, – думала Айша, – одних людей выселяют с Кавказа в Сибирь, других из Крыма на Кавказ, третьими заселяют Крым, а для чего всё это нужно, непонятно! Уж оставили бы людей жить там, где они хотят и как хотят!»

Мысли эти ею не озвучивались, и, встречая с радушием Таиру Измайловну, Айша обходила молчанием разговоры на столь деликатную тему, чтобы лишний раз не травмировать душу, как чужую, так и свою.

Она искренне радовалась каждому визиту соседки и с удовольствием потчевала её ароматным чаем с домашним вареньем.

– До чего же вкусно ваше варенье! – говорила Таира Измайловна. – Я и сама всегда варю, и ягоды у меня свои, а всё равно ваше лучше!

– Да нет, – смущалась Айша. – Самое обычное, как у всех!

– Ну, не скажите! У вас оно особое! Наверное, есть всё-таки какой-то маленький секрет, да?

– Ну... разве что один... Когда варю, то вместе с ягодами и сахаром кладу чуточку души! Да вы это и сами знаете не хуже меня!

Таира Измайловна смеялась заразительным грудным смехом и, прощаясь, говорила:

– Ну хотя бы разочек сами ко мне зашли! Посмотрели бы, как я живу, попробовали бы и моё варенье!

– Зайду, милая, как-нибудь обязательно зайду! – говорила Айша, провожая её до калитки, дальше которой она теперь почти не выходила.

Глава 14

*Воскресенье – день веселья,
Песни слышатся кругом,
С добрым утром, с добрым утром
И с хорошим днём!*

Воскресное радио, с самого утра настраивая людей на весёлое, приподнятое настроение, как бы заявляло в неофициальной форме: «Отдыхайте и радуйтесь, дорогие товарищи! Всё в нашей стране спокойно!»

Одна бодрая песня сменялась другой, и люди, сами того не замечая, настраивались на благодушную волну, хотя само по себе благодушие это было для них столь же привычным, что и небо над головой.

Как-то так получилось, что песни в Советском Союзе играли в жизни людей воистину колоссальную роль. Под них люди трудились, влюблялись и женились, под них рождались и старились, под них же воевали и побеждали – либо умирали.

Песни имелись на все случаи жизни, и не было в стране такой профессии, которую не воспели бы соответствующей песней. Лётчики и журналисты, монтажники и геологи, таксисты и милиционеры, врачи и учителя, танкисты и артиллеристы, ткачихи и рыбачки, школьники и студенты, ну и, конечно, пионеры и комсомольцы – никто не был обойдён вниманием! Были песни о ребятах и девчатах, ровесниках и ровесницах, даже о воде и водовозе, без которых, как выяснилось, «и ни туды, и ни сюды». А уж песни о Родине могли соревноваться по количеству лишь с песнями о любви – и тех, и других было в достатке. Именно на них воспитывался советский народ, который, наравне с остальными нациями, представляли и дагестанцы, также в свою очередь слагавшие песни о горянках и горных дорогах, о Тарки-Тау и Буйнакске и, конечно же, о любви.

Слагались песни и в честь советских столиц. Тбилиси и Ташкент, Баку и Кишинёв, Киев и Ереван, не говоря уже о Москве и Ленинграде, всячески прославлялись в песнях именитых и не очень композиторов, распевались и профессиональными певцами, и народом.

* * *

Имран взял несколько аккордов и остановился, весь уйдя в мелодию, ещё с ночи звучащую в его голове. Но при всём своём желании он не мог облечь ее в нотные знаки по причине полного их незнания, а потому прислушивался напряжённо к этой мелодии, возникшей нежданно где-то внутри него и властно звучащей в нём, выплескиваясь наружу и требуя, чтобы он, Имран, воспроизвёл её тут же на пианино.

Клавиши поддавались его пальцам легко и охотно, и музыка заполнила весь дом и вырвалась, наконец, из раскрытых окон на тихую буйнакскую улицу, доносясь до соседей и случайных прохожих.

Имран был счастлив. Мелодия, звучащая внутри него, была нежной и искрящейся, словно разлетающиеся брызги молодых ручейков, и, когда она зазвучала под его руками, ему сразу же сделалось легко и радостно на душе, как будто он сумел выполнить то, что должен был. Такое уже не раз с ним бывало, когда, наполненный музыкой, он испытывал потребность в переложении ее на клавиши. Потом она звучала для всех окружавших его людей, и они тоже радовались вместе с Имраном, наслаждаясь его игрой и восхищаясь его голосом, дарованным ему какими-то высшими силами.

Так он и жил – в перерывах между работой – со своей музыкой и со своими песнями, в окружении семьи и многочисленных друзей, приятелей и женщин, среди которых неизменно была какая-нибудь одна, кому он на тот момент посвящал всего себя.

Он даже не задумывался ни о какой другой жизни, довольствуясь этой и живя в своё удовольствие. Зачем мечтать о несбыточном, думал Имран, когда вот оно всё, здесь рядом. Жизнь у человека одна, и надо её проживать в своё удовольствие. Конечно, нужно работать, но и от души наслаждаться жизнью, в которой есть любовь, музыка, друзья, женщины и деньги!

О том, чтобы как-то официально заявить о своих песнях, он не думал. Потом, когда-нибудь, успеется ещё, а пока он щедро дарил их своему Буйнакску – городу его души и сердца.

Жизнь была бы совсем хороша, если бы не вечно укоряющий взгляд жены. Взгляд этот смотрел на него так, будто хотел запечатлеться в его сердце, а в другой раз и вовсе пронзал кинжальной остротой, отчего ему становилось не по себе. Чаще, однако, Фарида смотрела на него с обидой, и взгляд её был так глубок и выразителен, что внутри у него всё сжималось, и он скорее удалялся в свою фотомастерскую, чтобы там, среди чёрно-белых изображений знакомых и незнакомых людей, отвлечься от этого грустного и шемяще-укоряющего взгляда женщины, которую он по-своему любил и к которой всегда возвращался.

Практически у всех его друзей были, помимо жён, и другие женщины. Не далее как вчера близкий его друг Борис Темирханов со смехом, в котором сквозил, правда, и лёгкий оттенок смущения, описывал приятелям сцену, которую ему закатила супруга Ляля, каким-то образом прознавшая о его бурном романе с молоденькой паспортисткой Зарипат.

– Но зато Кусум, моя тёща, – вот где настоящий друг! Всё ходит вокруг и бормочет себе под нос: «Отказ, Борис, совсем отказ!» Ну, то есть чтобы я ни в коем случае не признавался!

Выждав, пока утихнет смех, Борис продолжал:

– Я своей внушаю: «Лялечка, это всё болтовня, ты не верь всяким глупым хабарам...», а она всё равно верит!

– Интересно, с чего бы это ей вдруг верить? – насмешливо произнёс Нариман, хозяин дома, видный молодой мужчина, единственный в их компании, кто не поторопился с женитьбой.

– Вот и я говорю! – сказал ему в тон Борис. – Эти женщины что угодно готовы себе вообразить!

– Хорошо тебе, Нариман! – сказал Абакар. – Свободен, как птица, ни перед кем не отчитываешься и не оправдываешься, а только живёшь в своё удовольствие! Эх, и чего я так быстро женился, дурак!

– Так ты же не сам женился, а родители тебя женили! – ответил Нариман. – У нас ведь как в Дагестане: после двадцати пяти холостым оставаться ни – ни! Что люди скажут?

– Это точно! – поддержали его вразнобой остальные. – У нас всё делается с оглядкой на людей! Не кури, не пей, не гуляй, а то люди будут осуждать... А какие люди! Те же, что и мы, не больше и не меньше!

– Самое интересное, – сказал Имран, – что люди обычно у других всё замечают, а своё всё скрывают.

– Наверное, нигде больше такого нет, как у нас в Буйнакске, где всем до всего есть дело! – поддержал его Абакар.

– Это потому, что город у нас маленький и все друг друга знают... так же, как и друг про друга! С одной стороны, это, конечно, хорошо, но с другой – очень даже плохо!

– Точно! – с чувством произнёс Нариман, наливая водку в стоявшие на столе рюмки. – По этому поводу назрел очередной тост. Предлагаю выпить за то, чтобы все люди занимались своими делами и не совали нос в дела чужие!

Мужчины, чокнувшись, выпили и принялись за лежавшую на столе закуску – хлеб, сыр, помидоры, зелень и жареное мясо.

– А теперь предлагаю персональный тост за тещу Бориса, мудрейшую Кусум! – провозгласил Абакар. – Ну-ка, Борис, повтори ещё раз, как она там говорила?

– «Отказ, Борис, совсем отказ!» – скопировал свою тещу Борис, и мужчины снова расхохотались дружно и весело.

Глава 15

Осторожно держа в руках запеленутый свёрток, из которого едва выглядывало маленькое личико, Разия-ханум испытала неизъяснимое волнение, внутри её что-то задрожало и перевернулось.

Этот ребёнок принадлежал ей, и он был одной с нею крови. Бог послал ей девочку, которая должна была быть её племянницей, а стала дочерью. После трёх месяцев грудного вскармливания Саняйт отдала ей свою дочку Зарему, и Разияханум, с горячностью возблагодарив её за это, обещала создать чудесную жизнь для девочки, равно как не оставить без внимания и остальных племянников.

Она и в самом деле намеревалась сделать для этой девочки всё, что было в её силах. Разумеется, с помощью мужа, без которого это было невысказано, поскольку сама она денег не зарабатывала, зато умело их тратила, при этом успевая ещё и откладывать на «чёрный день». Ювелирное дело приносило Саидбеку солидный доход, заказы поступали не только из Дагестана, но и из других кавказских республик, и всё, что зарабатывал, он отдавал жене.

И сейчас, взглядываясь взволнованно в крохотное личико и судорожно прижимая к себе малютку, Разия-ханум прошептала с трепетным и прежде не свойственным ей вдохновением: «Ты будешь моей принцессой!»

* * *

– С чего это вдруг твои родители решили взять себе ребёнка?

Вопрос мужа застал Фариду врасплох, и она, растерявшись, молчала несколько мгновений, прежде чем сумела ответить:

– Не знаю... Заскучали, должно быть!

– А что, наши дети уже не считаются? Разве они не внуки твоему отцу?

Оставив без ответа риторический вопрос Имрана, Фариды опустила глаза, чтобы муж не заметил, как они наполнились слезами, ведь ей и самой поступок Саидбека был непонятен и обиден.

Они сидели на веранде, увитой виноградом, посаженным ещё Ансаром, и говорили совсем о другом, и вот Имран вдруг задал этот вопрос, и Фариды, и без того чрезвычайно взволнованная новостью, не знала, что ему ответить. Она действительно не знала.

Айша, понимая смятение своей любимой «жалин», как она ласково называла невестку, сделала сыну знак не касаться больше данной темы. Она была очень привязана к Фариде и, жалея её, не знавшую с ранних лет материнской ласки, старалась как можно больше проявлять по отношению к ней заботы и понимания.

С другой стороны, как женщина, она понимала Разию, судьбою обделённую материнством, понимала её страстное желание иметь ребёнка. «Лишь бы это ничего не испортило», – думала про себя Айша.

Глава 16

Кинотеатр «Ударник» находился прямо в центре города, на главной площади, носившей имя вождя пролетариата, и, будучи средоточием всех явок и договоренностей, неофициально являл собою главную точку Буйнакскa, где горожане встречались, общались и влюблялись.

На самом верху один советский вождь сменялся другим, и генсеки, в соответствии с традициями жанра, интриговали, предавали, устраняли друг друга, и дагестанская власть в лице Даниялова уже сменилась на Умаханова, а «Ударник» по-прежнему стоял безмятежно в самом центре Буйнакскa, собирая в своей прохладной полутьме мирных обывателей, спешащих после работы на премьеру очередного шедевра советского или мирового кинематографа, не говоря уже о молодёжи, для которой «Ударник» в качестве места встречи составлял немаловажную часть существования.

Позади кинотеатра, который до того, как стать кинотеатром, был главным городским храмом – Андреевским военным собором, раскинулся один из многочисленных городских скверов, вокруг располагались различные городские учреждения, а сама площадь Ленина, хотя небольшая, но вполне уютная, спокойно вмещала в себя парады и демонстрации, неизменно проходившие в городе 7 ноября, 1 Мая и в День Победы.

«Из всех искусств для нас важнейшим является кино»... Плакат с ленинскими словами, размещавшийся по правую сторону от большого экрана, неустанно напоминал зрителям о том, что кино – не просто зрелище, а самое что ни на есть искусство, которое должно принадлежать людям, нести им знания и, конечно же, воспитывать. Оно и воспитывало, демонстрируя лучшие образцы отечественного и мирового кинематографа. Неумолимые, неподкупные тётки у входа в кинозал ни под каким видом не пропускали тех несчастливцев, кому ещё не исполнилось шестнадцати – возраста, когда, по мнению советской цензуры, уже можно смотреть на целующихся героев. Непристойные сцены нещадно вырезались из фильмов, а поцелуи, насколько это было возможно, носили целомудренный характер, и все знали, что поцелуи на самом-то деле актёрами просто имитируются.

Итак, «Ударник» с его историей и носимой в народные массы культурой был всё же признан непригодным, а посему городские власти, не особо вдаваясь в разъяснения, приняли решение его снести, напомнив жителям о том, что в городе имеются ещё два других кинотеатра.

Но старинное здание никак не желало разрушаться. Его толстые стены, возведённые ещё в прошлом веке, содрогаясь под мощными ударами техники, долго сопротивлялись, прежде чем рухнуть окончательно, подмяв под собою целую эпоху и превратившись в огромную кучу строительного мусора.

Известие о сносе «Ударника» шокировало всех жителей бывшей дагестанской столицы. Люди, столпившиеся перед обломками бывшего их любимца, искренне о нём горевали, хотя городская площадь стала отныне гораздо шире и просторней.

Вместе с «Ударником» ушло из жизни что-то родное и привычное, хотя буйнакцы и продолжали смотреть фильмы в двух других кинотеатрах города, не обладавших, увы, тем домашним уютом, который был свойствен «Ударнику».

Жизнь в городе продолжалась, и бывшая Сталинская, а ныне Ленинская улица, как и прежде, была вечерами полна горожан, степенно прохаживавшихся вверх и вниз и дружелюбно приветствовавших друг друга.

В середине улицы, утопая в зелени тополей, располагалось здание главной школы города, естественно, носившей имя вождя пролетариата и славившейся в том числе тем, что когда-то, на заре нового столетия, в её стенах – бывшей женской гимназии – училась

Тату Булач, вошедшая в историю Дагестана как невеста пламенного революционера Уллубия Буйнакского, в честь которого и был назван город. Переписка Буйнакского и Тату Булач, опубликованная в советской печати, была для большинства дагестанцев эталоном подлинного большевистского чувства, способного одержать моральную победу над любой контрреволюцией.

Здание, в котором была позднее размещена школа имени Ленина, старинное и весьма солидное, являло собою образец дореволюционного зодчества, присущего большинству провинциальных российских городов. Подобные здания, облицованные красным кирпичом, с парадным крыльцом и, естественно, с «чёрным» ходом имелись во всех городах российской глубинки, ну, разве что не на всех из них могло красоваться написанное белой краской и огромными печатными буквами слово «Света». Десятилетия сменялись одно за другим, а «Света» всё продолжала гордо сиять на левой стороне школьного фасада, напоминая прохожим о том, что в среднем учебном заведении дети не только учатся, но и влюбляются.

Глава 17

– Ахмедов, может, хватит паясничать?!

Татьяна Николаевна громыхнула по столу длинной указкой, и тридцать четыре пары глаз уставились на это грозное орудие. Татьяна Николаевна активно использовала его в процессе обучения и воспитания подрастающего поколения, а сейчас оно угрожающе нависло над головой непоседы.

Татьяна Николаевна Ломакина, приехав молоденькой девушкой в середине 30-х годов в Дагестан на похороны своего деда Андрея Савельича Ломакина, биолога по профессии и по призванию, настолько поглощённого селекционными процессами кавказской флоры, что не сразу заметившего происходившие в стране исторические преобразования, совершенно неожиданно для себя так и осталась жить в маленьком зелёном городке, где жизнь ухитрилась одновременно бить ключом и быть настолько провинциальной, что дальше, казалось, уже было некуда.

Единственное, что умела делать Татьяна Николаевна, – это учить детей. Она все силы и время отдавала этому, как она говорила, тяжёлому ремеслу, из-за чего и осталась в конце концов старой девой. Жизнь шла мимо неё под сводки фронтовых известий, под звуки «Приориты» и аргентинского танго, песни Утёсова и Шульженко, под бодрые речи о строительстве коммунизма, а Татьяна Николаевна видела перед собою лишь классную доску да горы ученических тетрадок. В них, разлинованных и в клеточку, она толстым красным карандашом исправляла грамматические и арифметические погрешности своих подопечных и выставляла посреди тетрадного листа большую жирную двойку, а чаще – единицу. Чем выше была отметка, тем она в исполнении Татьяны Николаевны была меньше размером, а уж пятёрки и вовсе выходили у неё крохотными, словно жаль было ей тратить на них свой красный карандаш.

Детей она не любила. То есть любила, конечно, но лишь примерных да покладистых, тех, что сидели смирно и не шевелились, а только смотрели на неё преданным взглядом, ловя каждое слово и в точности затем его повторяя.

А всякие там озорники, сорванцы и непоседы, которых, увы, было гораздо больше, бесили её так, что она с наслаждением выводила в их дневниках огромные единицы, а то и пускала в ход свою знаменитую длинную указку, которая легко дотягивалась до четырёх передних парт, позволяя её хозяйке не покидать учительского стула.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.